

Найди

НЕНАВИСТЬ ПРЕВРАТИТСЯ В ЛЮБОВЬ,
И НАЧНЁТСЯ НАСТОЯЩЕЕ БЕЗУМИЕ...

18+

ФЭЯ МОРАН

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

2

ВТОРАЯ ЧАСТЬ ТРИЛОГИИ «СТЕКЛЯННЫЕ СЕРДЦА»

18+

Фэя Моран

Найди

Серия «Стеклянные сердца», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69980422

SelfPub; 2024

Аннотация

Узнать, что парень, в которого ты была бездумно влюблена, как оказалось, собирался тебя убить – не самое приятное событие. Но ещё более неприятнее осознать, что теперь его отец готов перерыть весь Сиэтл, чтобы найти тебя и завершить то, что не сумел его сын. Гай прячет меня в деревянном, ничем не примечательном домике на окраине города под ответственностью своих друзей и обещает уберечь от лап мафии, членом которой является и сам. Но разве я способна вновь поверить в эти зелёные глаза, глядящие на меня с холодом, который он ловко маскирует под нежность? И сможет ли он снова найти путь к моему сердцу?

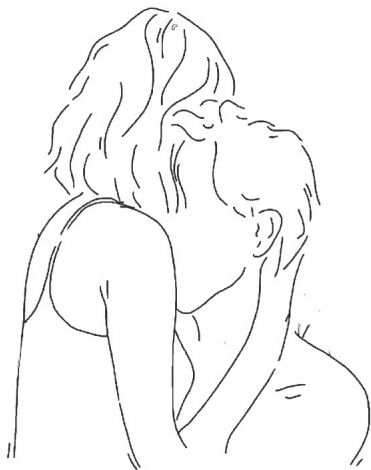
Содержание

Плэйлист	6
Пролог	8
Глава 39	12
Глава 40	23
Глава 41	35
Глава 42	49
Глава 43	69
Глава 44	86
Глава 45	93
Глава 46	111
Глава 47	123
Глава 48	136
Глава 49	154
Глава 50	166
Конец ознакомительного фрагмента.	176

Фэя Моран

Найди

ФЭЯ МОРАН

Haige

Плэйлист

- I wanna be yours // ARCTIC MONKEYS
- Art Deco (instrumental) // LANA DEL REY
- Wild Hourse // DARCI
- I Wanna Know // SICKICK
- Bom Bidi Bom // NICK JONAS feat. NICKI MINAJ
- Minefields // FAOUZIA feat. JOHN LEGEND
- Not Afraid Anymore // HALSEY
- Tears of Gold // FAOUZIA
- It's You // ALI GATIE
- Dead Love // LUV SCARS
- Kind of Love // MAALA
- Like U // ROSENFELD
- Softcore // THE NEIGHBORHOOD
- Let Me Hold You (Turn Me On) // CHEAT CODES & DANTE KLEIN

Посвящаю эту книгу самой себе — в благодарность за создание Гая Харкнесса.

У меня всё.

Ненавидеть бы тебя, подобно зверю,

чтобы ненависть в лицо швырнуть при встрече!

Но люблю я и любовь свою не вверю

ненадёжной человеческой тёмной речи.

Габриэля Мистраль

Пролог

Два месяца назад в комнате Каталины случилось событие, перевернувшее разум Гая. Тогда он встал перед выбором, которому, как изначально казалось, не было в его сердце места. Но он ошибся.

Всё, о чём думает Гай, стоя в тёмной комнате дочери врага – её лежащая фигура.

Пистолет упирается ей в висок, его пальцы крепче сжимают рукоять. Он всё думает, *один выстрел – и долг исполнен. Месть завершена. Душа обретёт успокоение.*

Ведь так его учили с самого детства. Любая оплошность влечёт за собой наказание. *Могильные карты* никогда не прощают ошибок. Одна единственная погрешность должна быть отомщена. Нет другого выбора и другого выхода.

Вот и сейчас Гай не знал. Он не понимал, что можно поступить иначе. Что необязательно убивать спящую Каталину Норвуд. Но разум требовал её смерти, голос отца в голове отражался глухим эхом, он орал: *слабак, щенок, ничтожество, сопляк.* И каждое слово вонзалось в тело точно наточенные ножи.

Но палец так и не нажимал на курок, не давал дулу пистолета, прижатому к коже её головы, разрешения стрелять. Он всё смотрел на это лицо, на эти губы, на прикрытые веки, на

длинные ресницы. Вспоминал её голос и слышал спокойное дыхание. Она лежала перед ним без сознания, полуобнажённая, в одном разорванном белье, но его мало волновало её тело. Его волновало её лицо. Красивое личико дочери врага.

Дыхание парня сбилось настолько, что казалось, единственный способ остаться в живых – просто перестать думать. Раздумья тянут за собой слабость. Нужно действовать, здесь и сейчас, чтобы не оставалось времени на глупости.

Она так прекрасна, вдруг проносятся в голове мысли. Беззащитна и невинна. Разве может существо, подобное ей, заслуживать того, что я собираюсь сделать?

Пистолет едва не выпадает из рук.

Гай бьёт от злости мебель, потом себя по щекам. От той же злости хочется кричать, разнести всё вокруг к чертям собачьим. Так бы он и поступил при других обстоятельствах, но не сейчас.

– Идиот! – шикает он на самого себя. Гнев льётся через край. – Какой же ты идиот!

Но больше мучать себя не приходится.

Гай убирает пистолет в кобуру, закреплённую на поясе штанов, и подходит к телу девушки. Ему снова хочется провести рукой по её нежной коже, по щекам, волосам. Он так давно не знал этого чувства, что самому себе приходится запрещать лишние действия. Но вместо нежных касаний Гай достаёт всё тот же перочинный ножик, которым разрезал одежду Каталины. На сей раз лезвие глубоко режет ему внут-

ренную сторону ладони. Наверняка останется шрам, но такая боль – пустяк по сравнению с тем, что ему уже пришлось испытывать, оставаясь один на один с отцом в своё двенадцатилетие.

Его собственная спина, служившая доской для наказания...

Он разжимает ладонь, позволяя каплям крови капать на чистые простыни и одеяла, и убирает нож. Он измазывает ею и ноги девушки, чтобы создавалось ощущение, будто кровь принадлежит именно ей.

Так я оставляю свои следы, рассуждает он. Полиция обязательно проведёт днк-тесты, проверит все улики. И когда они поймут, кто я, искать больше не станут... А Каталина убедится в том, какой я убогодок и забудет даже моё имя. Пусть она лучше забудет меня, но останется жива. И чтобы закрепить своё обманчиво отвратительное отношение к ней, я оставляю записку, в которой хранится моя ложь.

Гай в ужасе от собственных мыслей. Они такие... правильные, что кажутся ужасными. У него не хватило мужества совершить то, что он должен был. Он противен сам себе. Слабак. Отец верно говорит. *Ничтожный кусок дерьма.*

Покончив с созданием улик, Гай кладёт клочок бумаги, заранее исписанный нужным текстом, рядом с телом. Сжимает ладонь, вытирает её тряпкой и собирается развернуться, чтобы уйти, но вдруг замирает у окна, поворачиваясь и подходя обратно к спящей девушке. Он наклоняется к ней и

проводит рукой по её щекам и шее. Кожа у неё холодная в отличие от его горячих пальцев.

– Прости, – шепчет он, будто она может его слышать. Ему уже видится весь ужас, который она испытает, проснувшись, но совесть почти не гложет. Он убивает людей каждый день. С чего бы Кровавому принцу что-то чувствовать?

А потом Гай Харкнесс, словно тень, взбирается в окно и исчезает из жизни Каталины, как он тогда думал, навсегда.

Но не всё в жизни идёт по обдуманному сценарию. Вот и его повернула в совершенно иное русло лишь спустя два месяца, когда ему вновь пришлось вернуться в дом Норвудов, чтобы найти девушку, чья жизнь оказалась в опасности. Во многом как раз-таки из-за него самого.

Глава 39

Я стою на пустой улице, совсем не чувствуя своего тела. Мои лёгкие отказываются дышать, упрямо предавая меня. А я стою, пытаюсь держать себя в руках, отдельно от своей кожи.

Сейчас я просто парящая в воздухе душа.

Гай всё также сидит на байке, смотря мне в глаза и нервно дышит. Несмотря на всю явную злобу, накопившуюся у него в душе, в глазах его по-прежнему отражается невообразимая нежность. Или мне так лишь кажется?

Может, я просто отчаянно нуждаюсь в оправдании?

Может, я просто придумываю оправдания его предательству?

– Что ты... – начинаю я, но он меня перебивает:

– Все подробные объяснения потом. Сейчас нужно уезжать отсюда. Немедленно.

Я не нахожу в себе сил противиться, когда он тянет меня к мотоциклу, почти насильно усаживая на сиденье, и велит держаться крепче. От шока я лишь вцепляюсь в его талию обеими руками, уставившись куда-то в одну точку.

Что он имел ввиду? Что происходит? Что я должна делать? Что за глупости он только что выпалил?

Почему я вновь как идиотка доверяю ему?

Гай резко сдаёт назад, заставив меня дёрнуться, и быстро выезжает из укрытия за кустами. Рёв мотора заглушает все звуки на свете. Мы летим на огромной скорости куда-то вперёд по тихой и почти пустынной дороге, а я смотрю вперёд, на длинную трассу, на свои пальцы, считаю секунды царящей тишины в собственном разуме и не могу перестать видеть рядом с собой человека, в которого я как дура влюбилась. Поверить не могу тому, как жизнь переворачивается прямо у меня на глазах.

Сейчас он вдруг объявился и сообщил, что собирался меня убить всё это время. Назвал моего отца своим врагом. А я всё ещё ничего не понимаю. Я как потерявшийся в толпе ребёнок, которого вдруг бросила мама.

И мне страшно признаваться, но я так рада его снова видеть, хотя его появление отражается в груди острой болью. Я стала чёртовой мазохисткой.

– Пожалуйста, – наконец осмеливаюсь я произнести хоть что-нибудь, – скажи мне, что это всё значит.

Он не отрывает взгляда от дороги, но отвечает мне:

– Мы едем к миссис Майер. Там я тебе всё объясню, обещаю.

Я моментально вспоминаю ту старушку, жившую в лесу. Вспоминаю то восхитительное пирожное, которым она тогда меня угостила.

Пытаюсь дышать ровно, гляжу на руки парня и вижу, как костяшки его пальцев побелели от железной хватки за руль.

Глаза, которые я вижу через зеркало заднего вида, излучают огромное количество эмоций, но разобрать их у меня просто не получается. С каждой секундой напряжения в воздухе лишь прибавляется, появляется ощущение какой-то странной тяжести, давящей на меня всем своим весом. Но я терплю и пытаюсь держать себя в руках, хотя сердце в груди колотится как бешеное.

Мы доезжаем до нужного места быстрее, чем я думала, и ни на секунду нашей дороги Гай не произнёс ни слова.

Небольшой деревянный домик всё также стоит среди деревьев в окружении полной тишины и умиротворённости. И я в очередной раз думаю о том, что это место может быть одновременно и безопасным, и достаточно опасным для проживания в одиночку. Окошко, через которое миссис Майер в тот день нас встречала, плотно закрыто, но внутри горит свет; он протискивается наружу сквозь небольшие щели задёрнутых штор.

Гай вынимает ключ из замка зажигания и в спешке тянет меня за руку, заставляя встать с мотоцикла на твёрдую землю. Под моими ногами хрустят листья и ветки. Он уверенно и быстро шагает к домику и бесцеремонно распахивает дверь.

Мы мигом оказываемся в небольшом помещении, где пахнет деревом и нет всего того дорогого барахла, которым полон мой дом. Но, только оказавшись внутри, я в удивлении раскрываю глаза, тараща на Нейта, Зака и Лэнса. Все трое

синхронно поворачивают свои головы в нашу с Гаем сторону. До нашего прихода они, видимо, занимались своими делами: Нейт держит свой телефон, Лэнс задумчиво сидит на стуле, а Зак стоит около окна, словно выслеживая кого-то; пальцы, покрытые разноцветными татуировками осторожно раздвигают краешек штор.

– Не прошло и сорока лет! – улыбится Нейт, вставая и откидывая телефон на кресло. – Братан, рад тебя видеть. Думал, вас грохнут ещё по дороге сюда.

Гай холоден, поэтому лишь безразлично проходит мимо друга, всё так же держа меня за руку. Парни в свою очередь разглядывают меня с нескрываемым любопытством. От этих взглядов мне становится до жути некомфортно.

– Я знаю, Гай, ты не любишь повторов, но я вынужден снова спросить, – вдруг заговаривает Лэнс, встав со своего места. Он на фоне остальных выглядит самым взрослым. В какой-то степени из всех здесь присутствующих я бы доверилась лишь одному ему. – Ты уверен в своих действиях? Уверен в том, как перевернётся жизнь после того, что мы все сделаем?

Гай усаживает меня на кресло, его пальцы осторожно направляют выпавшую мне на лицо прядь волос. А потом он оборачивается к другу:

– У меня было два месяца, чтобы откинуть сомнения.

Лэнс кивает, будто всё понял без детальных разъяснений. Лицо его приобретает спокойствие и холодную уверенность.

Карие глаза больше на меня не смотрят.

– Ну и сколько лет ты будешь её прятать тут? – присоединяется Зак, подав голос с другой стороны гостиной. – Не обижайся, конечно, но твой план просто е_анутый. Я думал, только Нейт в нашей команде полный долбо_б, а оказалось, что и ты туда же.

– Я не собираюсь прятать её здесь вечно, – отвечает Гай. С замиранием сердца гляжу на то, как он заряжает пистолет, проверяет, всё ли в порядке, и суёт его в кобуру. – Но пока она побудет здесь.

Я слушаю их диалог и чувствую, как тону в болоте замешательства всё глубже и глубже, чувствуя при этом как мне вполне реально не хватает воздуха. В окружении четырёх парней, находясь посреди леса в деревянном домике, где нет никого, кто может меня в случае чего спасти, заставляет напрячь в готовности мышцы. Конечно, вряд ли я со своими навыками сумею одолеть взрослых парней, но всё же сдаваться точно не буду.

– Что происходит? – громко произношу я, пытаюсь привлечь всеобщее внимание. – Кто-нибудь мне объяснит?

Все парни поворачивают свои головы в мою сторону моментально.

– Ты ей ещё не сказал? – удивляется Лэнс.

– Нет, – отвечает Гай. – В детали ещё не вдавался.

– Сейчас самое время, чувак, – хлопает Нейт по плечу своего друга. – Чтобы твоя милая принцесска не натворила вся-

ких глупостей по ошибке.

Когда Гай поворачивается ко мне, я вижу в глазах сожаление. Отчаянно хочу в это верить. Хочу верить, что он всё ещё испытывает нормальные человеческие чувства ко мне.

Но стоит мне лишь вспомнить вычитанную информацию о пытках, которым он подвергал людей во время своей криминальной деятельности внутри Могильных карт, отчаянное желание видеть в нём добро куда-то испаряется в миг.

– Ты посидишь здесь, пока я попробую исправить ситуацию, – говорит он, приблизившись ближе. Я в испуге отодвигаюсь назад. Гай это понимает и хмурится: – Пожалуйста, прекрати меня бояться.

– С чего бы мне не бояться человека, собиравшегося меня убить? Человека, уже убившего множество людей.

– Хэй, не надо наезжать на нашего друга, крошка, – доносится до меня голос Нейта. – Он вообще-то тебе жизнь спасать собирается. Причём рискуя своей.

– А ты вообще иди в задницу! – кричу я на него, не терпя вмешательств в личный разговор.

Лэнс тяжело вздыхает, потирая переносицу двумя пальцами, Зак издаёт смешок и ухмыляется с таким видом, будто ему действительно смешно наблюдать за нами. Нейт же в удивлении раскрывает рот, опешив. Видать, он не ожидал таких дерзких словечек со стороны милой и послушной Каталины, которую они все знали до этой минуты.

– Мне жаль, что всё так получилось, – заговаривает вновь

Лэнс, – но дело в том, что...

– Нет, – перебивает его Гай, – я сам ей расскажу. – Он вновь прожигает меня своим пристальным взглядом, не осмеливается приблизиться или коснуться меня. – Ты должна сейчас внимательно выслушать меня. В твоей жизни не было ситуации серьёзней, в этом я уверен. – Он делает паузу. – Мой отец – Вистан Харкнесс. Думаю, ты успела разузнать хоть что-нибудь о нём, раз в курсе об убийствах, которые я учинял. Да, всё так. Я убивал и убиваю людей по сей день, не собираюсь скрывать. – Гай так легко выдаёт мне эти слова, будто в какой-то мере даже гордится этим фактом. Я сглатываю. – Мой отец – глава английской мафии Могильные карты, и он куда страшнее и меня, и всех членов организации вместе взятых. Прямо сейчас они думают, что по его приказу дочка Джереми Норвуда мертва, что я убил тебя. Но среди некоторых из них появились сомнения. Ты должна побыть вдали от своих родителей какое-то время, пока всё не уляжется.

Всё ещё не нахожу слов, чтобы выразить своё замешательство. Кажется, словно всё происходящее вокруг это лишь чей-то дурной сон, не имеющий ко мне никакого отношения.

– Я... Я не понимаю, – растерянно говорю я. – Почему? Что я сделала твоему отцу?

– Об этом позже.

– Нет! Говори сейчас же! Раз уж решил раскрыть правду, так раскрой мне её всю!

Гай тяжело вздыхает, недовольный моей наглостью. Поворачивает голову в сторону друзей. Нейт, Лэнс и Зак как один молчат, бездумно уставившись на меня.

– Твой отец принёс нашей семье очень много боли, – наконец отвечает Гай. – Как раз перед тем, как ушёл из Могильных карт, продолжительное время будучи их членом.

Из-под моих ног вдруг вышибает всю землю. И хоть я и сижу, мне приходится крепче сжать подлокотники кресла, почти впиваясь в кожу ногтями, чтобы не упасть.

Где мой отец, – добродушный и всегда ласковый человек, – и где эти опасные и кровожадные Могильные карты? Должно быть, вышла какая-то ошибка. Это не может быть правдой.

– От деталей ты ох_еешь, – произносит вдруг Зак. – А сейчас ох_евшей ты можешь заporоть всё дело. Так что лучше подождать, цыпочка.

Я ужасно злюсь на него, как злится и Гай, бросив другу угрозу следить за языком в моё присутствие. От шока мне хочется нервно смеяться: то есть, его больше волнует мат со стороны Зака, но не моё ужасное состояние?

– Я... Я просто не понимаю... – Чувствую какую-то слабость в конечностях. Ощущаю себя так, словно вот-вот упаду без сил. – Не может этого быть... Папа никак не связан с вашими преступниками! Никак! – Не сумев совладать с собой, я вскакиваю с кресла на ноги. – Что вы от меня хотите? Зачем вы меня сюда притащили? Отвезите меня обратно

домой!

– Это невозможно. – Тон Гая снова ледяной и полный хладнокровия. – Твой дом – первое место, куда отправятся Могильные карты.

– Замолчи! – Слёзы безостановочно текут у меня из глаз. Всё это какой-то кошмар! Просто какой-то кошмар... – Вы не можете просто держать меня здесь как какого-то зверька!

Мне хочется верить, что в глазах Гая сейчас искреннее сожаление, а не бездушие. Потому что они устремлены на меня мёртвым взглядом, он почти не моргает, сжимая зубы.

– Только рядом со мной ты сейчас в безопасности, – говорит он спокойным тоном. На фоне меня, начавшей истерику, он кажется непоколебимой скалой. – Ступишь хоть на метр в сторону, заплатишься своей жизнью. Делай, что хочешь, но я тебя никуда не выпущу. – Голос такой твёрдый, что у меня невольно поджимаются ноги. А потом он зло сверкает глазами, когда после недолгой паузы добавляет: – Можешь даже думать, что теперь ты моя пленница, раз тебе так будет легче.

На глаза наворачиваются новые слои слёз, всё вокруг теряет свою естественную форму, расплываясь и стекая, словно краски, которые развели с водой. Руки у меня начинают дрожать, равно как и всё моё тело, поднимается паника.

Я по-прежнему отказываюсь верить в то, что всё это реально.

Гай меня всё ещё не касается. Он не пытается меня об-

нять, утешить, провести рукой по волосам, как обычно поступил бы любой другой парень в желании успокоить свою возлюбленную. Он просто жестоко наблюдает за тем, как я рыдаю, едва не падая на колени от отчаяния. Я не могу поверить в то, что этот парень не так давно целовал меня, заставляя каждую клеточку разжигаться огнём.

– Ты останешься с Нейтом, – говорит Гай, бросив взгляд на светловолосого друга в углу комнаты. – Приглядывай за ней. Она остаётся под твою ответственность.

– Вот чёрт! – возмущённо стонет в ответ Нейт, взмахивая руками. – Ну блин, серьёзно?! Да какого хрена именно я? Вся движуха, значит, останется на вас?

– Я так сказал, и это не обсуждается.

– Валите тогда скорее! Нехрен меня тут ещё дразнить. – Он толкает ржущего Зака в плечо. – Заткни своё заткну, придурок! Вот так всегда! Я младший, а значит всю скукотень можно бросить на мои плечи, да? Это дискриминация по возрастному признаку, я считаю! Где подписать петицию?

Но Нейта уже никто не слушает. Равно как и я. Его голос сейчас звучит где-то вне пространства, в котором нахожусь я.

Гай движется к двери, за ним идёт и Зак с Лэнсом. Никто из них больше не смотрит в мою сторону.

А я остаюсь в замешательстве, ощущая мир вокруг себя так, как если бы вся земля в миг скрылась за зловещим туманом, и у меня просто не получается найти выход отсюда.

Теперь я потеряна. У меня что-то вырвали из груди.

И, вероятно, совсем скоро я и вовсе покину этот мир.

Глава 40

За все долгие нудные часы, проведённые наедине с Нейтом в этом домике, я понимаю одно: он никогда и ни за что не расстанётся со своим телефоном.

Вот и сейчас он сидит, уткнувшись в свой гаджет, полностью игнорируя весь остальной мир. Его светлые волосы как всегда взъерошены, а яркие голубые глаза изучают дисплей телефона. Кажется, он рубится в какую-то игру для мальчишек. А сейчас его оставили приглядывать за мной. И как этот ребёнок сможет за мной приглядеть?

– Нейт, – зову его я.

На моё удивление он тут же переводит взгляд на меня, промывав в вопросительном тоне: «М?». Телефон отодвинут в сторону.

– Дай мне отсюда уйти, – требую я.

Нейт прыскает от смеха.

– Ты такая глупенькая и наивненькая девочка, – почти шепечет он. – Это даже умиляет с какой-то стороны.

– Знаешь, что с тобой сделает полиция, если вдруг они узнают, что ты меня тут держал? – Я злюсь, повышаю голос, хотя бы так пытаюсь достучаться до него. – Мой дядя – полицейский. Его все уважают.

В ответ Нейт цокает, глупо ухмыляясь, словно я сказала

что-то весёлое. А потом он вдруг тянется к карману светлых джинс и достаёт нечто вроде карточки. Я вдруг припоминаю, что что-то похожее уже видела в доме Гая пару месяцев назад. Тогда, правда, она была золотистого цвета и украшена какими-то узорами, а у Нейта – чёрная с серебристыми тиснениями.

– Вот эта штучка полностью меня защищает, крошка, – уверенно выговаривает он. – Так что мне совершенно не за чем бояться твоего дядюшки.

– Что это?

– Гай захочет – расскажет сам. – Нейт убирает карточку обратно. – Я боюсь даже пикнуть чего лишнего. Прости.

Снова тайны, недосказанности, обман и издевательства надо мной.

– Это вы убили охранника моего общежития? – спрашиваю я, не терпя долгой тишины в комнате. Мне кажется, это очень разумный вопрос.

Он быстро отвечает:

– Его грохнул Зайд.

– Зайд? – недоумеваю я.

Нейт бьёт себя ладонью по лбу, громко восклицая:

– Оу, да, точно! Я и забыл, что тебе он известен как Зак и одновременно Скотт. Зайд у нас любитель менять имена. Придурок думает, что таким образом его сложнее будет поймать. – Не успеваю я выдать хотя бы едва слышное удивление, как парень продолжает: – Нужно было как-то запихнуть

тебя домой. Как бы пробраться и грохнуть тебя в твоей же комнате куда легче, чем таскаться по универу, ведь так? Мы с Гаем отвалили нехило так баблишек вашему декану, чтобы она не обращала внимания на двух новеньких «студентов». Я должен был следить за общей ситуацией, не подпускать лишних, пока Гай пудрил тебе мозги.

У меня всё падает вниз. Все они были в сговоре. Видать, Зак... вернее, Зайд, встречаясь с моей лучшей подругой, исполнял лишь свою часть задания. Я была буквально окружена людьми, пытавшимися меня убить...

По коже проходит холодок, а к горлу снова поднимается комок размером с булыжник, из-за которого мне вдруг стало сложно дышать.

– Не смотри на меня так, – хмурится Нейт. – Я лишь выполнял свою работу. А знаешь, что предусмотрено членам Могильных карт за отказ от задания или предательство?

– Так ты тоже...

– Ага. Я тоже у них работаю. Люди Вистана выбрали меня на улице, когда мне было тринадцать. – Горько улыбаясь, он добавляет: – Как думаешь, какой выбор остаётся у сироты, вынужденного жить на улице?

Вытеснив из души едва показавшееся желание его пожалеть, я сохраняю невозмутимость на лице и почти грубо говорю:

– Но в итоге ты сидишь здесь и помогаешь мне. Видать, тебя не совсем пугает перспектива быть наказанным ими.

Нейт молчит несколько секунд, потом поднимает на меня заметно погрузневший взгляд голубых глаз и отвечает:

– Ну а что мне оставалось делать? Ради своих друзей я готов на всё. Мы ведь все одна семья.

Я вспоминаю рассказ Гая. Оказалось, не всё из сказанного им было ложью. Про друзей и их близкие отношения он говорил правду. Нейт боится Могильных карт, но идёт на риск ради друга. В другом случае я бы растаяла, растроганная, но сейчас другая ситуация.

– Ты хочешь меня как-то задобрить? – Мой голос звучит очень резко. Я всё ещё зла, хоть его рассказ и попытался успокоить душу. – Ты согласился находиться в стороне. Помогать Гаю убить меня. Вы все просто согласились врать мне в лицо, а затем воткнуть нож в спину ради денег. Ради бу-мажек.

Парень меняется в лице, мрачнеет и вдруг встаёт, смотря на меня с какой-то жалостью. Нейт обычно всегда улыбается, но сейчас выглядит очень опечаленным.

– Слушай, Лина, – начинает он, сменив свой обычно весёлый тон на более нейтральный и тихий, – я не хотел всего этого. Я думал, что просто поучаствую в этом пару дней и забуду, и мне не придётся знакомиться с тобой ближе. Но Гай... Чёрт! Он втюрился в тебя, как какой-то подросток! Вот кто мог предвидеть нечто подобное, а? Он же Кровавый принц! Гроза криминального мира! Его все боятся!

Я ни капли ему не верю, сохраняя прежнее хладнокро-

вие. Доверять человеку, помогавшему другому меня убить, невозможно. При подобных-то обстоятельствах.

Резко встаю и хватаюсь за голову, едва ли не чувствуя, как она медленно разрывается изнутри. На меня свалилось слишком много информации всего за один день, и мозг находится в состоянии шока, неспособный отфильтровать полученные данные.

Я нахожу часы, висящие на стене. Уже через полчаса моя семья придёт меня будить и обнаружит, что их любимой дочери нет в постели. Я уже вижу ужас на лице мамы, нервные шаги отца, звонки в полицию, вызов Джозефа... Но всё это не будет иметь смысла.

– Я могу предупредить родителей? – спрашиваю я.

Нейт издаёт смешок.

– Нет. Прости, крошка, но никаких звонков отсюда. Это пока единственное место, благодаря которому ты ещё жива. Нельзя высовываться.

– Мои родители поднимут на уши весь Сиэтл. – Хочу, чтобы моя угроза звучала грозно, но понимаю, как она вместо этого глупа. – Они будут искать меня везде.

– Ну, Вистану, поверь, хватит денежек, чтобы всех утихомирить, и твоими поисками займутся лишь Могильные карты... – Нейт заглядывает наружу, отодвинув край штор. – Если, конечно, ситуация не усугубится настолько, что искать тебя начнёт и полиция, но доставят не домой в тёплую кровать, а напрямик в поместье Харкнессов.

В окно вдруг бьётся свет от фар, а потом и до ушей доносится шум автомобиля, приближающегося к домику. У меня замирает сердце от страха, хоть я и никогда этого бы не признала.

– Оставайся на месте, – бросает мне Нейт.

Он залезает рукой себе в заднюю часть джинс, и я в ещё большем ужасе округляю глаза, смотря на пистолет, который он достаёт. Видеть оружие, предназначенное для убийства людей, не вошло ещё в привычку даже после того, как я уже видела такой же пистолет у Гая.

– Что ты...

– Тихо, крошка. Я просто проверю, кто это.

Нейт внимательнее приглядывается к тому, как к домику подъезжает чья-то машина, а оружие в его руке издаёт щелчок; кажется, он заряжает его. Но вдруг он свободно выдыхает, вновь спрятав пистолет.

– Повезло, – сообщает мне парень. – Это всего лишь Уэйн.

И сразу после его слов в домик действительно входит Уэйн. Его песочного оттенка волосы беспорядочно взъерошены, грудь быстро вздымается, губы плотно сжаты. Я не замечала раньше, но его глаза гораздо светлее глаз Нейта. Они больше серые, чем голубые, и вместе с остальными острыми чертами его лица выглядят даже как-то «по-дьявольски». В последний раз я видела его только на той встрече друзей в кафе, куда меня пригласила Софи.

Неужели все, с кем я познакомилась после встречи с Гаем,

замешаны в этом?

– Привет, чувак, – пожимает руку друга Нейт.

– Привет. – Уэйн бросает на меня уничижительный взгляд, полный неприязни. – Где все остальные?

– Отъехали в город, чтобы разобраться с Вистаном. Хотя хрен у них что выйдет.

– А она? – кивает в мою сторону Уэйн. – Что Гай решил по итогу делать?

– Она пока останется здесь. Под моим, скажем так, крылом.

Я стараюсь игнорировать их переговоры, устремляя взгляд к окну. Оно закрыто шторами, но жуткое ощущение, словно кто-то там может спокойно наблюдать за нами, меня никак не покидает. Я пытаюсь привести дыхание в норму, когда убираю взгляд и вижу, как надо мной наклоняется Нейт:

– Слушай, тебе, наверное, надо поспать.

– Не хочу спать, – отрезаю я.

– Я тебя не спрашиваю. – Он глупо улыбается. – Ты выглядишь так, словно всю ночь танцевала, затем влила в себя целый ящик коньяка и теперь отходишь от похмелья. Правда, поспи. Можешь не беспокоиться. Если что, я за тебя горой... А то Гай с меня шкуру сдерёт.

Я делаю вид, что мешкаюсь, словно раздумываю над его предложением, но в итоге всё же соглашаюсь. Мне действительно не помешает вздремнуть. Но вот смогу ли я заснуть

после всей той информации, что неожиданно на меня свалилась?

Нейт раскрывает для меня одеяло на стоящей в углу кровати. Мне не хочется доверять им в такой степени, чтобы добровольно погрузиться в сон, но веки тяжелы настолько, что едва я ложусь, как они смыкаются, и весь мир становится чёрным.

* * *

Не знаю, сколько времени я проспала, но небо, которое едва показывается через щели штор, окрашивается в голубой, запачканный оранжевыми и розовыми оттенками. Значит, утро уже наступает.

И сквозь дремоту я слышу голоса. Несколько мужских голосов, заставивших меня раскрыть глаза. Подушка едва позволяет мне привстать; такой мягкой и удобной она оказалась.

– Ну не томи, чувак! – нетерпеливо произносит Нейт. – Как всё прошло?

Голос Гая заставляет сердце сжаться в комок:

– В доме собралась вся верхушка. Юстас, Стивен, Арнольд, остальные...

– Да-да, – слышу я голос Зайда. – Дело реально ху_вое, если так посмотреть. Обладатели серебряных карт... все там.

– И что теперь? – снова спрашивает Нейт. – Я, конечно, знал, что нихрена не выйдет, но что теперь делать?

Гай поворачивает голову в мою сторону. Я просто не успеваю сделать вид, что не подслушиваю их. Он сохраняет невозмутимое выражение лица, нахмуренный, сосредоточенный, вечно размышляющий. Мне кажется, в его душе нет никакого покоя.

– О, смотрите, кто это у нас проснулся, – машет мне рукой Нейт.

Я не отвечаю, слишком занятая тем, что смотрю в зелёные глаза, прожигающие во мне дыры. Кто бы мог подумать, что глаза, в которых я хотела остаться навсегда, всё это время смотрели на меня как на жертву...

У небольшого деревянного стола устроились все пятеро: Гай, Нейт, Лэнс, Уэйн и Зайд. Я как никогда ощущаю всю неловкость, которой пропитался воздух.

Гай идёт в мою сторону, и я усердно делаю вид, что меня это не волнует.

– Как ты себя чувствуешь? – спрашивает он.

Какой абсурдный и жестокий вопрос...

– Как сам думаешь? – резко выговариваю я.

– Прости. – Хоть он и просит прощения, голос всё равно звучит грубо, словно это я провинилась перед ним. – Я не думал, что до этого всё дойдёт. Но я сделаю всё, чтобы тебя защитить. В этом даже не сомневайся.

– Как же ты защитишь меня от себя?

Мой вопрос застаёт парня врасплох, и он тут же сжимает губы, словно не зная, что ответить. Друзья Гая за его спиной,

видимо, тут же понимают, что дальше пойдёт наш личный разговор, поэтому я сразу слышу, как Лэнс громко произносит:

– Выйдем-ка на улицу. Пора закурить.

Все выходят из домика, оставляя нас с Гаем наедине. Во мне борются два противоречия: мне страшно и спокойно.

– Где миссис Майер? – спрашиваю я серьёзным как никогда голосом. – Вы и её убили?

У него искажается в отвращении лицо, морщатся брови:

– Нет. Я не стал бы...

– Значит, чья-то жизнь для тебя неприкосновенна, а чью-то можно просто забрать, когда тебе захочется?

– Ты ничего не понимаешь, Каталина. Ты всю жизнь провела в неведении. Жила в окружении цветов и бабочек.

Злость вскипает в крови, бурлит в венах.

– Ну уж прости, что я не понимаю работы в мафии! Работы, подразумевающей под собой сплошные преступления! Ты всё время мне врал, использовал в свою пользу мою неосведомлённость в том, что есть такие ужасные люди как ты! А сейчас держишь меня здесь под дурацким предлогом защиты!

– Ты не можешь обвинять меня в том, в чём у тебя нет должных знаний.

– Я вполне могу обвинять тебя в том, в чём я достаточно убедилась!

Он нервно и громко дышит. Его грудь резко вздымается.

Возможно, я провоцирую его. Кто знает, на что способен человек, который живёт внутри преступной организации? Что остановит его от очередного убийства? Может, он передумает меня спасти?

– Если бы я был так ужасен, как ты обо мне думаешь, ты бы не сидела сейчас здесь, – цедит он сквозь зубы. – Я бы выполнил свой долг. Но во мне не нашлось силы даже на то, чтобы коснуться тебя. Использовать твоё тело оказалось мне не под силу. А я ведь был так уверен в себе, мой отец возложил на меня такое важное поручение, но... я предал свою семью.

У меня, наверное, по его расчётам, должно было дрогнуть сердце. Наверняка, именно этого он и ожидал, когда решил поведать мне эту душещипательную историю.

Но я не хочу вестись.

Он меня не тронул... Поцелуи были, но он не сотворил с моим бессознательным телом ничего большего. Мама задумывалась над тем, чтобы отвести меня к гинекологу и проверить, были ли нанесены какие-то повреждения, но видя, в каком я нахожусь состоянии, родители, наверное, передумали подвергать меня такому унижению.

Хоть какое-то успокоение всё-таки в душе поселилось.

– Говори, что хочешь, Гай... – тем не менее произношу я. – Но так или иначе, ты поступил отвратительно. – А потом, стискивая зубы, я почти выплёвываю: – Ты сам отвра-

тителен. Целиком и полностью.

Он отпрянул словно от огня. В глазах вспыхивает нечто такое, что я ещё ни разу в них не видела. Может быть, это страх, отчаяние, желание услышать ровно противоположные слова из моих уст. Из уст девушки, которая казалась ему бесхребетной. Ведь, наверное, поэтому он так уверен был в том, что я его сходу прошу.

Но боль, которую он принёс за собой в мою жизнь, так легко не забудется. Сердце, которое он разбил вдребезги, так скоро не восстановится. Так что он должен помучаться также, как и я в своё время. И пусть это прозвучит жестоко, он заплатит за раны, нанесённые мне.

Гай отходит от меня. Больше не собирается давить на жалость. По крайней мере, так мне кажется.

– Думай, как хочешь, Каталина. Я не стану унижаться перед тобой. Я никогда ни перед кем не унижаюсь.

И с этими словами жестокий и уверенный в себе Гай Харкнесс покидает дом вслед за друзьями, а я остаюсь сидеть и думать: друзья ли они все мне или самые страшные враги, и что я могу сделать, чтобы сохранить себе жизнь...

Глава 41

Гаю едва хватает воздуха. И хоть снаружи он всегда кажется таким собранным и спокойным, в душе разгорается целый пожар.

Я определённо собираюсь снести что-нибудь, – думает он про себя. – Выместить злость, иначе просто взорвусь.

Обычно в такие моменты ему помогает холодный душ или ванна, полная ледяной воды. Так отец приучал его к потере всех чувств разом. Ведь мало на что отвлекаешься, когда всё тело коченеет, и единственное, о чём проносятся в голове мысли, так это о том, как бы не умереть в этой чёртовой воде.

Однако злится Гай Харкнесс вовсе не на Каталину. Нет, он попросту не может на неё злиться, ведь она по сути права. Назвав его отвратительным, девушка лишь констатировала факт, ничего больше. Уху Гая её слова не казались оскорблением, он слышал о себе информацию и похуже.

Его злила собственная беспомощность. А разве возможна беспомощность, когда ты принц криминального мира всей Северной Америки? Один из главных принцев.

– Ты уверен, что это место надёжно? – слышится голос Лэнса, едва протискивающийся сквозь громкие мысли в голове.

Лэнсу Вэлдону двадцать шесть лет. Самый старший из парней, он всегда выступал их советчиком, самым рассудительным и умным. Человеком, которому можно доверить свои проблемы и получить помощь. Нейт с Зайдом иногда достают его шуточной кличкой «Мудрец».

Гай прочищает горло, прежде чем ответить:

– Пока что.

– И что потом?

Он переводит взгляд зелёных глаз в сторону Нейта с Зайдом, которые в сторонке горячо обсуждают последние новости в мире гоночных машин. Зайд Парсá всегда был истинным фанатом гонок. Отчасти из-за этого он ещё в пятнадцать начал угонять тачки и весьма успешно, пока не натолкнулся на Могильные карты, которым захотелось прибрать такого талантливого молодого человека к рукам.

– Хэй, вы! – прикрикивает Гай, привлекая внимание друзей. – Зайдите в дом. Следите за Каталиной, пока меня рядом нет.

– Ладно, – хоть и цокнув, но сходу соглашается Нейт и бежит в двери, широко распахивая её.

Зайд с бутылкой пива в одной руке и зажжённой сигаретой в другой, исчезает за дверью вслед за ним.

– Пока есть хоть малейший шанс оставаться незамеченными, я им воспользуюсь, – продолжает Гай, сжимая кулаки до побеления костяшек. Его ладонь, принесённая в жертву, уже и не нуждается в бинте, а рана затянулась, оставив

лишь шрам: лезвие в ту ночь вошло слишком глубоко, чтобы забрызгать простынь и ноги Каталины кровью.

— А что ты будешь делать, когда Вистан придёт за ней? — В глазах Лэнса зажигается волнение. Он всегда волновался за ребят как за младших братьев. — Ты ведь знаешь своего отца. Знаешь, что рано или поздно он найдёт её.

Гай уже злится. Ему всё кажется, что Лэнс попросту на него давит. А ведь он не просил его встревать в это дело. Ответственность теперь словно душит за горло, снова напоминая о том, что его собственные ошибки могут вылиться другу большими неприятностями.

Лэнс когда-то подрабатывал наёмным убийцей, но ещё два года назад отошёл от дел, когда связал жизнь с Софи. Он обещал жене полностью измениться, создать настоящую семью, завести ребёнка... Но увидев однажды переменяющееся лицо Гая, его повадки и действия, совершенно отличавшиеся от тех, с которыми он был знаком раньше, Лэнс всё понял. Название всем этим переменам — любовь. А ведь он на своём примере знает, как сильно любовь способна менять человека, вплоть до неузнаваемости.

— Ты всё ещё можешь развернуться, Лэнс. — У Гая сжимаются зубы от попыток говорить серьёзно. — Можешь уйти прямо сейчас. Пока ещё не поздно.

Друг отрицательно качает головой.

— Нет, парень. Разве можно отвернуться от семьи? Разве так бы ты поступил, если бы дело касалось меня? Или

любого из нас... – Рука Лэнса ложится на плечо Гая, карие глаза полны доброты. – Я всегда буду прикрывать тебе спину. Чтобы ни случилось.

Если бы Гай Харкнесс не был Кровавым принцем, он бы обязательно сейчас улыбнулся. Искренне, добродушно и широко. Если бы отец не вдавливал в его голову с самого детства: «Настоящие мужчины не показывают эмоций, они не плачут и не кажутся сопливыми романтиками. Никогда не показывают улыбок, счастья и радости. Настоящие мужчины всегда холодны», то на его красивом лице сейчас заиграл бы самый настоящий блеск, который бывает, когда человек искренне счастлив.

Но, разумеется, таких глупостей он себе позволить не может. Он и без того достаточно натворил.

– Спасибо, – звучит лишь с его уст.

Совсем близко раздаётся удар и глухой рык, похожий на звериный. Оба парня поворачивают головы, встречая недовольного и почти свирепого Уэйна.

– И всё это ради какой-то девчонки? – Он огибает лестницу, едва ли не выпускает пар из ушей. – Твою мать, Гай! Ты, кажется, не до конца сознаёшь, на какое дерьмо ты согласился!

Гай вздыхает:

– Никто не сознаёт всю серьёзность ситуации лучше, чем я сам, Уэйн, так что твои слова сейчас крайне неуместны.

– Ты просто рехнулся! Из-за этой сучки ты просто по-

терял свои мозги!

Повторять дважды не приходится: Гай реагирует ментально. Его руки цепляются за края куртки Уэйна и впечатывают друга к деревянной стене домика. Прибавь он чуть больше сил, вполне мог бы разбить ему череп.

Удивительно, на что способна любовь. Даже самых близких друзей ей подвластно настроить друг против друга.

– Ещё раз выскажешь нечто подобное в её сторону, и я забуду про то, что ты мой друг, – зло шипит Гай. – Размажу тебя по стенке за долю секунды.

– Парни, хватит, – встревает Лэнс, отталкивая его от разъярённого Уэйна. – Если мы хотим разобраться со всей этой историей, мы должны держаться вместе. Вместе решать эту проблему, а не бросаться друг на друга, ясно?

Гай выпускает куртку из рук, в какой-то мере освободив друга. Уэйн бросает в его сторону испепеляющий взгляд, направляет свою одежду, дышит слишком громко и, чётко выговаривая слова, произносит:

– Однажды ты пожалеешь... Пожалеешь о том, что решил так рискнуть ради неё. Она докажет тебе, что не стоит этого. Теперь молись, чтобы это случилось до того, как это тебя погубит.

Может быть, в его словах есть смысл. Но Гай эти предположения решает проигнорировать.

Я поражена, зла, полна ненависти. А ещё растеряна и прихожу в самом ужасном состоянии, которое у меня когда-либо было.

Прошло по меньшей мере полчаса после того, как Гай вышел на улицу, и я осталась сидеть дома одна. Мне хочется выпрыгнуть из окна, попытаться скрыться, сбежать, в конце концов, но Нейт и Зайд, как я думаю, по приказу Гая, вторглись в дом гораздо раньше, чем я успела морально себя подготовить к побегу.

А теперь в то время, пока я всё ещё поражена, зла и полна ненависти, они оба развлекают себя как могут. А именно – игрой в «Правду или действие».

– Ну, каким будет твой выбор, придурок? – лыбится Нейт, потирая в любопытстве подбородок.

– Х_й с ним! – Зайд откидывается всем телом на кресло, принимая вальяжную позу. Цепи на его поясе сверкают и звенят. – Давай «правду».

– Ты пробовал сам себе отсосать?

У меня от шока глаза едва не лезут на лоб, но я всеми силами держу себя в прежнем положении, не высказывая никакого удивления или подслушивания этих грязных разговоров.

Зайд коротко смеётся:

– Я чё, похож на такого отчаянного человека, которому нужно себе сосать?

– Чувак, однажды ты пригласил на вечеринку в доме Гая пятерых грязных шлюх, занялся с ними сексом и даже не подумал проверить состояние их здоровья. – В голосе Нейта чувствуются нотки отвращения. – А они могли что-то подцепить до тебя. Так что от тебя, чувак, можно всё что угодно ожидать.

Мне хочется встать и уйти отсюда, чтобы больше не слышать ничего подобного. Но я продолжаю сидеть.

– Оу, мы смутили нашу крошку, – припеваючи произносит Нейт, обратив внимание на мои, вероятно, красные щёки. – Слушай, чувак, нам реально лучше держать язык за зубами рядом с ней. А то ты Гая знаешь, прихлопнет нас обоих и глазом не моргнёт.

Зайд бросает в мою сторону взгляд своих тёмных глаз и крутит языком пирсинг у себя на губе. Мне кажется, он о чём-то задумался.

– А давай она присоединится к нам? – вдруг предлагает он.

Нейт весь засиял, будто только этих слов и ждал всё это время:

– Воу, идея хороша. Всё равно ей нефиг делать... – Его голубые глаза ожидают ответа, когда он смотрит на меня. – Ты как, крошка, согласна?

– Вы оба – идиоты, – бурчу я, не веря своим ушам.

Неужели они всерьёз полагают, что я сейчас настроена на дурацкие игры? Тогда они ещё глупее, чем я о них думала.

Скрестив руки на груди, я отворачиваюсь к стене, почти сворачиваясь калачиком в своём кресле. Мне здесь удобнее всего. А ещё так меньше боли, пожирающей меня изнутри.

– Так и скажи, что тебе слабó, – хихикает Нейт. – Что тебе слабо сейчас встать, пойти на улицу и дать Гаю по лицу. Ну, пощёчину. Причём жёсткую.

Мне стоило бы проигнорировать двух глупцов, решившись меня подставить, в какой-то мере, но вместе с удивлением ко мне вдруг подкрадываются мысли о том, как же всё-таки заманчиво всё это звучит. Я могла бы даже обзавестись убедительным оправданием: меня так поступить заставили два придурка.

Почему нет, чёрт возьми? Конечно, прежде я никогда ещё не давала никому пощёчину, но всё бывает в первый раз.

Я уверенно встаю с кресла.

Нейт с Зайдом заметно оживляются, прочитав о намерениях на моём лице.

– О, ща будет веселье! – Блондинистый засранец потирает в предвкушении ладони, мигом подлетев к двери и открывая мне её.

Я выхожу из домика, на улицу, вдыхая обогащённый кислородом свежий чистый воздух леса и щурясь от яркого солнца. Где-то на верхушках деревьев поют птицы, уже наступило раннее утро.

Гай, Уэйн и Лэнс стоят в стороне и словно ведут какие-то переговоры, окутанные тайной. Я делаю глубокий вдох, сжи-

маю кулаки, но напряжения не показываю больше никак. Они нас замечают сразу. Встретившись со мной, зелёные глаза наполняются злостью, а голос их обладателя велит мне на повышенном тоне:

– Каталина, возвращайся живее в дом!

Но я уже стою прямо перед ним, пройдя мимо Уэйна и Лэнса. И моя ладонь уже приподнимается, успевает замахнуть, а потом и с громким хлопком соприкоснуться с его щекой.

В общем, я даю пощёчину Гаю Харкнессу.

Как сказал Нейт, грозе криминального мира. Кровавому принцу. Сыну лидера мафии Могильные карты. Наверное, по их законам за подобные распускания ручонок мне грозит смерть, расстрел, отсечение этих самых ручонок. Но мне не страшно. Ни капли.

Он поворачивает ко мне полное замешательства лицо. А я гадаю: интересно, кто-нибудь когда-нибудь бил его по лицу? Вероятно, нет. Или не настолько сильно, чтобы оставить следы. Ведь его лицо совершенно, идеально, красиво, и даже если я его ненавижу, пытаться отрицать этот факт было бы глупо.

Лэнс с Уэйном рядом с ним растеряны не меньше, чем сам Гай.

– Ты заслужил, – закрепляю я свои действия словами, а потом резко разворачиваюсь и иду обратно в дом, попутно вспоминая и наслаждаясь его унижительным видом.

* * *

Гай возвращается домой уже через десять минут после того, как я врезала ему по лицу. Хотя, врезала это громко сказано. Лишь шлёпнула.

Я всё ещё сижу на своём кресле, игнорируя и его, и обсуждающих происшествие и ржущих в сторонке Зайда с Нейтом, и остальных вошедших парней. Но потом Гай вдруг становится чернее тучи, щёлкает пальцами и грозно выговаривает:

– Все вон отсюда. Все, кроме Каталины.

Ему беспрекословно подчиняются. Даже Лэнс, который всегда казался мне гораздо старше его.

А вот сердце у меня в груди беспокойно переворачивается. Ему становится там тесно, пока я смотрю на то, как деревянная комнатка пустеет, оставляя меня наедине с обладателем жестоких зелёных глаз. А потом этот человек делает шаги в мою сторону.

– Не приближайся ко мне, – шиплю я как опасная змея. – Клянусь, если ты сейчас попытаешься меня ударить в ответ...

– Ты думаешь, я способен ударить тебя, милая моя Каталина?

«Милая моя Каталина».

Мне приходится пару раз моргнуть и качнуть головой, чтобы не начать таять от произнесённых им слов. Я продол-

жаю злиться. Должна продолжать.

– Да. И в ответ на это я попытаюсь тебя убить, – отвечаю я, прекрасно понимая, что блефую.

Он, наверное, тоже это понимает.

Гай наклоняет голову набок, наблюдая за мной с интересом. Цепочка на его шее качается, крестик блестит в свете лампочки. У него такие широкие плечи, такая красивая фигура, такие потрясающие руки... Ну не может жестокий убийца выглядеть так совершенно. Это просто нечестно.

А ещё не могут руки, убивающие людей, касаться меня так, как касался моего тела Гай в тот вечер...

– Я не удивлён. – Он скрещивает руки на груди. Сейчас рукава чёрной рубашки закатаны. – Меня многие пытались убить. Ты не первая и не будешь последней.

– Но они, вероятно, делали это с другими намерениями. А я попытаюсь сделать это, движимая ненавистью.

У Гая темнеют глаза. Лицо мрачнеет.

– А ты меня ненавидишь? – спрашивает он так, будто его это действительно волнует.

– Да. Конечно, ненавижу. – Я взмахиваю руками, округлив в удивлении глаза. – Ты ожидал чего-то другого?

Он приоткрывает рот, потом вдруг закрывает его, смотрит куда-то в одну точку, словно задумывается, а затем качает отрицательно головой, произнося:

– Нет. – Его взгляд мёртв, но на меня он не смотрит. – На самом деле, не ожидал ничего другого.

Издав нервный смешок, я хочу наорать на него, но передумываю. Мне хочется сохранить оставшиеся силы. Они могут понадобиться мне в любую минуту.

– Что случилось с миссис Майер? – спрашиваю я, мельком глянув на висящие фотографии в рамочках с пожилой супружеской парой, которые я достаточно изучила, пока сидела и убивалась в своём уголке.

– Она умерла. – В голосе Гая чувствуется горечь, а я поражаюсь тому, что он может грустить из-за чьей-то смерти. – Спустя пару недель после того, как мы с тобой сюда заезжали.

– От чего? – У меня подрагивает голос.

– Рак лёгких, как оказалось. Последняя стадия.

У меня сжимается сердце от таких резких слов. Но вспоминая то, как она с воодушевлением говорила о своём муже и о том, как желает скорейшей с ним встречи, я успокаиваюсь. Хотя бы немного.

– Мне жаль, – произношу я тихо. И говорю чистую правду.

У Гая вдруг звонит телефон. Я, можно сказать, даже вижу, как его лицо искажается в неприятном удивлении и напряжении, которые овладели телом. Тем не менее, звонок он принимает.

– Да, Камилла? – упоминает он сестру, бросив на меня предостерегающий взгляд. Наверное, просит молчать и не издавать никакого шума. – Я сейчас еду в Баллард с Нейтом.

Баллард – один из неблагоприятных районов Сиэтла.

Слышала, там частенько происходят преступления, а ещё находится бухта. Наверное, мафия использует некоторые лодки для отправки своих незаконных товаров.

Интересно, его сестра в курсе их с отцом чёрных делишек? Вероятно, да. Невозможно было бы скрывать столько лет такую тайну. Но я, видно, просто очень глупа, раз папа когда-то входил в число работников преступной организации, а я даже не догадывалась об этом. Знает ли мама? И вообще, правда ли всё это?

Мне нужно как-то это выяснить. И как можно скорее. Меня вполне могут держать здесь обманом.

– Камилла, я занят сейчас. – У Гая меняется тон. Теперь он гораздо грознее и серьёзней. – Неужели твой полоумный бойфренд не может повременить с этим? – Его глаза снова устремляются в мою сторону, в них видны искорки волнения. – Нет, не говори отцу. Хорошо. Я буду там. Ждите меня.

Он убирает телефон с уха и смотрит на меня выжидающе, будто ждёт каких-то слов. Но вместо того, чтобы довести дело до конца, Гай говорит мне:

– Мне нужно отъехать на какое-то время. Вечеринка в честь помолвки Камиллы.

Я бросаю на него безразличный взгляд:

– Ну и иди.

– И ты даже не поинтересуешься, опасно ли мне туда являться?

– Мне плевать на то, что с тобой будет, – убедительно вру

я. – Можешь валить.

Лицо его от моих слов не меняется. Он по-прежнему холоден, пока смеряет меня взглядом, глаза полны спокойствия. Словно каждый день ему твердят, что его жизнь ничего не стоит и что людям было бы гораздо легче жить после его смерти. Хотя, не сомневаюсь, такое ему уже точно говорили.

Гай направляется к двери. Но прежде чем исчезнуть за ней, он поворачивается ко мне и говорит:

– Нейт побудет с тобой. А я постараюсь вернуться как можно скорее. Надеюсь, ты не наделаешь глупостей.

Надейся, думаю я, но ничего ему не отвечаю.

Глава 42

Глядя на то, как Гай кладёт свой пистолет на бардачок машины Лэнса и проверяет обойму, я задерживаю дыхание.

Никто не знает, что я тайком выглядываю наружу, раздвинув шторы, а иначе мне бы влетело. Потому что, как мне сказал Нейт, нельзя оставлять окна открытыми, делая себя меткой целью. Однако я сомневаюсь, что кто-то сидит снаружи и поджидает удобного момента, чтобы снести мне или одному из них черепушку.

Никогда не признаю этого, но... я волнуюсь. Не за себя. За Гая. Сама не знаю, почему. Ведь на это совсем нет причин и нет здравого смысла. *Я его ненавижу*. Должна ненавидеть. Он желал моей смерти, а я даже не до конца понимаю, за что.

Он на меня вдруг смотрит. Слишком резко, слишком пронзительно. Кивает, стискивая зубы, будто одним взглядом хочет сказать, что с ним будет всё в порядке. Будто знает моё истинное отношение к его поездке.

Когда Лэнс садится за руль, Гай остаётся на пассажирском сиденье, Зайд и Уэйн – на задних креслах. Так они вчетвером и исчезают с поля моего зрения. Я спустя только несколько минут понимаю, что не дышу. За спиной громко захлопывается дверь, и в домик входит Нейт.

– Ну короче... – Он потирает ладони, подходя ко мне и

снова задвигая шторы. – Дурочка, разве я тебе не сказал, что так делать нельзя?

– Я просто...

– Подглядывала за пятью горячими мужиками, я понял. Но могла бы так из-за этого не рисковать.

Я не собираюсь спорить и отвечать на его шутки, потому что слишком для этого устала.

Нейт плюхается на кресло у дальней стены, рядом со входом, смотрит на меня каким-то смиряющим взглядом, закрепляет пальцы в замок.

– У меня тут новость, – говорит он. – Моя девушка хочет сюда приехать. И вот-вот уже приедет через пару минут.

У меня поднимаются брови:

– Твоя девушка? Зачем?

– Написала мне сообщение, что захватила такси. – В его голосе чувствуются лёгкие нотки раздражения. Когда он злится, он звучит совсем не так, как во время злости звучит Гай. Не так устрашающе. – Такая же чокнутая попа, как и ты.

Ничего не понимая, я всё смотрю на него и ожидаю ещё каких-то слов. Потому что, как мне кажется, он ведь не просто так вдруг начал это обсуждать со мной.

– Ты её знаешь, – и в самом деле продолжает сам Нейт. – Знакомилась с ней прямо у вас дома.

Я морщусь, пытаюсь припомнить. Единственный незнакомый мне человек, с которым я познакомилась дома, это...

– Моника? – расширив глаза, спрашиваю я. – Моника –

твоя девушка?

– Бинго! – щелкнув пальцами, глупо улыбается мне Нейт. Однако по лицу видно, как ему неловко было признать этот факт. – Ну типа того. Да... Эм... В общем...

– То есть, и Моника одна из вас? Она в той же команде желающих прикончить Каталину?

Я чувствую, что недоумение во мне сменяется на гнев и раздражение. Надо же... Та милая девушка-горничная, которую я встретила в своей комнате, моющей полы... Она одна из ножей, воткнувших мне в спину.

Сколько ещё сюрпризов мне предстоит получить в будущем?

– Моника не хотела в это влезать изначально, – говорит Нейт, словно это должно было меня успокоить. – Но Вистану плевать на чьи-либо желания. Нужна была молодая девушка, которая сумеет втереться к тебе в доверие и находиться внутри вашего дома, чтобы докладывать о твоём местоположении и подталкивать к встречам с Гаем. Моника совершенно случайно попала Вистану под руку. Мы не смогли ничего сказать против.

Я вспоминаю, как она с улыбкой внушала мне, что Гай выглядит отличным парнем, и что он мне точно нравится... Какой же идиоткой я была, когда направо и налево впускала в свою жизнь посторонних людей.

– Наверное, она едет сюда, чтобы извиниться, – снова заговаривает Нейт. – Это очень похоже на мою крошку.

– Заткнись, а то меня сейчас вырвет. – Я морщусь нос, плотнее прижимая ноги к груди в кресле. Мне больше никогда не захочется отсюда вставать и делать вид, что жизнь меня ещё устраивает. – Я скажу ей, что простила, но на самом деле это будет ложью. Говорю тебе, просто чтобы знал, что прощать за такое невозможно.

У меня всё ещё болят глаза. Я выплакала столько слёз, что мне кажется, если собрать их в одном месте, можно образовать большой солёный океан. У меня дрожат руки. У меня раскалывается голова.

Я не знаю, что мне делать дальше. Жизнь разорвана на две части. Мне нужно построить мост или найти иголку с нитками: чтобы пересечь это расстояние или сшить воедино две эти разорванные части и вернуться в прошлое. Я хочу кинуться в объятия мамы и... папы. Папы тоже. Вероятно, мне лгут насчёт него.

Откинув плед на пол, я сажусь в позе лотоса.

– Нейт, скажи мне, что сделал мой отец. За что именно Гай считает его своим врагом?

Он вздыхает. Но кажется, ему вовсе не хочется снова увиливать от моих вопросов. Нейт проводит пятернёй по светлым волосам и начинает говорить:

– Ну, короче, твой батя несколько лет назад... – Он делает паузу, поднимает на меня голубые глаза, будто для того, чтобы удостовериться, что я всё ещё его слушаю. – Около семи лет назад твой отец... уверена, что хочешь продолжить?

– Нейт, – давлю на него я.

Он снова вздыхает, на этот раз тяжелее и протяжнее. Я в нетерпении начинаю теревить пальцами собственное плечо.

– Твой отец изнасиловал и убил мать Гая около семи лет назад, – наконец выдаёт Нейт.

У меня, кажется, останавливается сердце.

Наверное, именно так ощущается падение с утёса или превращение плоти в пыль, когда тело суют в печь. Потому что те ощущения, что я испытываю сейчас, абсолютно равны тому, что бы я ощутила, падая с высоты прямиком к земле или превращаясь в пепел.

У меня пересыхает горло. Я слышу какие-то беспомощные звуки, выходящие из собственной глотки, а потом всё перед глазами застилает пелена.

– Блин, не надо было тебе это знать, – осторожно произносит Нейт, явно виня себя. – Гай поэтому и не говорил тебе ничего.

– Откуда вы знаете? – хриплю я. – Почему вы думаете, что это так?

– Ну, рядом с телом нашли записку от твоего отца. Почерк был его. К тому же проводилось расследование.

Мне кажется, каждая косточка в моём теле хрустнула. Боль такая, что я больше не могу ни о чём думать, ничего делать. Я хочу испариться. На данный момент только этого я и желаю.

Вот почему Гай вёл себя странно рядом со мной, вот по-

чему не желал упоминаний матери рядом со мной, вот почему в его взгляде читалось что-то страшное и мрачное, когда он сидел за ужином в нашем доме... Всё это время он хотел одного – отомстить моему отцу за смерть матери, а я лишь удачно подвернулась под руку.

Я отдалённо слышу, как к домику подъезжает машина, а потом раздаются шаги. Дверь распахивается, на пороге оказывается Моника. Она не изменилась с нашей последней с ней встречи. Всё так же сияет: очаровательная, энергичная и весёлая. Её внешность никогда бы не подтолкнула к мыслям о том, на что она способна, на что она пошла, оказавшись в нашем доме. Когда я вижу бывшую фальшивую горничную, даже не сразу соображаю, как должна реагировать. Злиться, определённо. Но разум затуманен обидой и страхом.

– Привет? – неуверенно начинает она. В руках у неё пакеты из Макдональдса.

Я отворачиваюсь от Моника. Мне совсем не хочется сейчас с кем-то любезно болтать.

Нейт подходит к девушке, мимолётно целует её, я слышу причмокивание, потом перешёптывание, а затем он хватается за её руки, пакеты, которые затем кладёт на стол.

– Я понимаю, – снова заговаривает Моника. – Ты, вероятно, злишься на меня... Я даже не стану просить прощения. Это ведь будет глупо. Просто позволь мне загладить вину и побыть здесь с тобой, хорошо?

– Я не злюсь на тебя.

Она выпучивает глаза:

– Что?

Коротко киваю, даже хочу добавить улыбку, но я слишком истощена сейчас, что на неё у меня просто не хватает сил.

– Ты... – начинает она неуверенно.

– Всё в порядке. У тебя не было выбора.

Я притворяюсь, не собираясь мусолить эту тему. Лучше соврать, что всё позади, чем выслушивать от неё просьбы прощения ещё долгие дни.

Нейт всё понимает, я сама его предупредила, поэтому лишь бросает виноватый взгляд на меня, а потом поворачивается к своей девушке:

– Зачем ты не предупредила, что хочешь приехать? Это безрассудный поступок, крошка.

– Ох, да ладно тебе, милый, – улыбается она, тыкая в кончик его носа пальцем. – Зато я принесла вам покушать. Вы, наверное, до чёртиков голодные.

Я смотрю в окно, хранящее в себе отдельный зелёный мир, пока где-то на фоне шуршит картонная бумага, в которую обычно заворачивают бургеры. Моника и Нейт накрывают на скромный стол, а я чувствую, что желудок скручен в тугой узел и не готов принимать еду.

Я размышляю о папе и о его прошлом. И по мере того, как в голове проносится одна мысль за другой, они острой болью отдаются в мозгу, и я спешу прикрыть глаза, чтобы ничего не чувствовать.

* * *

В поместье влиятельной криминальной семьи собрался народ: такие же криминальные лица, друзья и коллеги Вистана, знакомые Камиллы и Гая, люди, с которыми они знакомы ещё с тех времён, когда были совсем ещё малышами, и люди, с которыми они познакомились намного позже.

Вечеринка, устроенная в честь помолвки Камиллы Харкнесс, началась ещё пару часов назад, но только сейчас люди, облачённые в дорогие роскошные наряды, упиваются вином и шампанским. Отовсюду слышится живая классическая музыка, сверкает хрусталь и блестят золотые украшения на шеях и в ушах ухоженных женщин. Большинство из них – жёны наёмников, гангстеров и политиков, приглашённых на торжество. Среди гостей можно встретить и шерифа, мистера Клеменса Далтона, покрывающего Могильные карты в полиции. Ему отводится важная роль: давать взятки и прикрывать глаза коллегам на неожиданные убийства и преступления, учинённые мафией.

Гай как раз выходит из машины, когда мимо проходит шериф Далтон.

– О, Кровавый принц, – широко улыбается он, приобнимая свою любимую жену, Лолиту, за талию. – Рады снова видеть тебя, парень! Давно ты не показывался в последнее время однако.

– Много дел, – сухо отвечает Гай, всем видом желая показать, что не нуждается в разговорах сейчас.

Шериф насупливается, на лбу собираются морщины. Его голубые глаза бросают взгляд на Лолиту, муж с женой переглядываются.

– Что ж, думаю, твоё состояние связано с помолвкой сестрёнки, – продолжает Далтон, совершенно игнорируя желание Гая скорее отсюда уйти в дом. – Вистан говорил, что ты всегда был против её женишка.

Гаю хочется сказать нечто вроде: «Он маменькин сынок, глупый и неосознанный мальчишка, который притом младше Камиллы. Нашей семье не нужны подобные кретины», но осекается, потому что женихом сестры является никто иной как сын другой криминальной группы, заведующей частью Сиэтла и в других городах Америки. Вистан подписал с ними договор ещё двадцать лет назад, так что было бы неразумно публично называть его кретином.

– Я очень спешу, шериф, – говорит Гай, голос звучит как сталь. – У меня набралось много дел, так что, к великому сожалению, на этой вечеринке я ненадолго.

– А что за дела у тебя, сынок? – Мужчина щурится, тонкие губы слегка приподнимаются в уголках, словно в ухмылке. – Как мне казалось, Вистан ещё не давал тебе поручений.

Будь проклята твоя серебряная карта, думает Гай, бросив взгляд на серебряную карточку с узорами на нагрудном кармане шерифа. Именно она даёт такое преимущество

раскрывать дерзко рот, даже при том, что Гай – обладатель золотой карты, и стоит в иерархии мафии на одну ступень выше.

– Личные дела, – отвечает парень. Терпение у него уже иссякает. Мысли то и дело возвращаются к деревянному домику в лесу, в котором сидит девушка, заставившая его пойти на такой риск. – Дела, о котором отец пока не в курсе. Я сегодня как раз пойду ему докладывать. Прошу прощения, но мне нужно идти.

Обойдя шерифа и чувствуя спиной его взгляд, Гай уже добирается до входных роскошных дверей поместья Харкнессов. На самом деле дом достался им от далёких предков, так что даже в самом воздухе это отчётливо чувствуется. Войдя внутрь, парень оглядывается в поисках сестры. Просто поздравить, поговорить минут пять и уйти, – повторяет он самому себе, потом поднимается по лестнице наверх. Пахнет дорогим парфюмом и деньгами, мимо шныряют как серые мышки в окружении всех этих богачей горничные, то подавая вино, то подливая шампанское. На стенах в коридоре второго этажа висят картины и фотографии в рамках. Каталина здесь в тот вечер не была, а потому не видела фотографии семьи Харкнесс в полном их составе: Вистан и Натали во главе на возвышении перед домом, а чуть ниже – Гай, его брат Тео и Камилла посередине. О Тео хочется забыть как можно скорее, поэтому Гай не задерживает взгляд надолго, а уже сразу направляется в комна-

ту сестры. Он не ошибся, когда решил, что она именно там.

Парень открывает дверь, и его взору предстаёт несколько красавиц. Молодые подружки Камиллы, дочери семейных друзей и коллег, такие же втянутые в криминальный мир родителей несчастные. Хотя едва ли их можно назвать несчастными, если все полученные кровавые деньги своих отцов они с удовольствием тратят на дорогие побрякушки и шмотки. Их совершенно ничего за пределами этих возможностей не интересует.

– О, привет, Гай, – улыбается одна из девушек, высокая блондинка с роскошными изгибами тела.

Остальные красавицы хихикают в сторонке, бросая кокетливые взгляды на Кровавого принца у дверей. Но вот сам парень их успешно игнорирует и проходит дальше.

Камилла стоит у зеркала поправляя макияж, в роскошном чёрном платье, усыпанном блёстками чуть ниже талии, и изготовленном кружевами на плечах и зоне декольте. Её золотисто-каштановые волосы свисают пышными локонами по спине. В ушах – изящные серьги с настоящими бриллиантами, подарок от отца. Наверное, они сто́яли несколько десятков жизней.

– Братец всё же приехал, – произносит она, вытерев пальцами лишние следы от помады, вышедшие за контур губ.

– Камилла, я ненадолго, – говорит Гай, обнимая сестру одной лишь рукой.

– Почему же? Разве может быть спешка в таком деле?

Одна из девушек – красноголовая дочка одного из близких подручных Вистана, обладателя серебряной карты, – выходит вперёд, поправляя узкое платье на пышной груди: она едва не вываливается наружу.

– Гай, составишь нам компанию? – Она явно флиртует. Голубые глаза заигрывающе сияют.

– Нет, у меня дела, – сухо бросает парень, даже не глядя на неё.

Она вполне может принять это за личное оскорбление, но Гаю всё равно на задетые чувства людей. На чувства всех, кроме девушки, ожидающей его в лесном домике, разумеется.

Взяв Камиллу за руку, он просит её выйти из комнаты, полной женских горящих из-за него сердец, и она не возражает. Так они оба выходят на просторный балкон, открывающий невероятные виды на холмы и море.

– Да пофлиртуй ты с моими подружками, – усмехается Камилла, как только Гай закрывает дверь. – Они же все буквально стелятся перед тобой.

– Я сюда не для этого приехал.

– Это что, из-за той девушки, которую ты приводил?

Нельзя показывать сомнений, поэтому Гай не сводит глаз с сестры, хотя очень хочется отвернуться.

– Камилла, эта девушка уже мертва и...

– Может быть, ты успел влюбиться в неё ещё до того,

как убил, – улыбается Камилла. – А сейчас совесть тебя гложет. Сердцу ведь не прикажешь.

В другом случае подобные изречения, такие свободные и лёгкие, из уст сестры должны бы напугать любящего брата. То, с какой лёгкостью Камилла говорит о мести, смерти и убийстве, которое, как она думает, учинил младший брат, действительно напугало бы нормального здравомыслящего человека.

Но Гай просто привык. И она тоже. Они росли в окружении гангстеров и крови. С самого детства они слышали, что отец убил кого-то там, потом кого-то тут. Что полиция закрывает глаза, что нет в мире справедливости, когда карманы забиты деньгами у плохих людей. Но отца плохим человеком они не считали. По крайней мере, Камилла. А вот Гай мог и ненавидеть, и любить его одновременно.

– Мне абсолютно всё равно на то, где сейчас лежит её труп, – врёт парень, по-прежнему глядя сестре в глаза. Бессовестно и нагло. – Я убил её. Выполнил долг перед матерью. На этом всё.

– Зачем же ты ей врёшь?

Голос Вистана, вдруг раздавшийся у него за спиной, заставляет всю душу похолодеть: от кончиков волос на голове до пальцев ног. Сердце колотится, дыхание перехватывает. Снова этот липкий невыносимый страх ползёт по спине, по изуродованной руками отца спине.

Гай поворачивается. Медленно и осторожно, словно пе-

ред ним — зверь, готовый наброситься на него как на кусок сырого мяса. Вистан выходит на балкон, а вслед за ним двое телохранителей. Они закрывают за собой дверь.

Тревога натягивает нервы как струны.

— Милая, — улыбается Вистан, — у нас с твоим братом назревает серьёзный мужской разговор. А твои подружки, кажется, тебя уже заждались.

— Конечно, папуля, — в ответ улыбается Камилла, чмокая отца в щетинистую щёку. — Удачно вам поговорить.

И снова она оставляет брата одного с тираном, с чудовищем, с человеком, не знающим жалости.

Сестра выходит, остаётся четверо мужчин. Балкон, до этого просторный и широкий, теперь будто бы сужается прямо на глазах Гая, заставляя его сердце трепетать от ужаса.

— Итак, — начинает Вистан. Тон его голоса спокоен. Это в нём и страшит в первую очередь. Непредсказуем как сам дьявол. — Ты считаешь меня идиотом?

Гай сглатывает, но совершенно незаметно.

— О чём ты, отец? — хмурится он, выдавая искреннее замешательство.

Вистан подходит к перилам, делает глубокий вдох. Его идеально чищенные лаковые туфли блестят под лучами солнца.

— Ты принимаешь меня за идиота? — повторяет он. — Скажи мне, сын, принимаешь?

– Я не понимаю, о чём ты...

– Каталина Норвуд не мертва.

И вот, мир вокруг вдруг сотрясается под гнѐтом слов из уст отца. Гай понимает: раз Вистан так уверенно это выдает, значит он действительно уверен в своём сообщении.

– Эта паришивая девчонка не мертва, – снова говорит Вистан. – Скажи мне на милость, как так получилось?

Гай делает шаг назад. В детстве при подобном вскрытии обмана ему пришлось бы упасть перед отцом на колени, снять верхнюю одежду, подставить голую спину и смиренно получать свои наказания. И его сердце сжимается лишь от мыслей, что нечто подобное придётся повторить вновь.

– С чего ты взял? – спрашивает Гай, заставляя голос звучать чётко.

– Ты всё-таки принимаешь меня за идиота. – Вистан поворачивает голову в сторону своих телохранителей и едва заметно кивает.

И следующее, что ощущается в конечностях – проходящий по каждой клеточке разряд тока. Он настолько силен, что Гай теряет контроль над собственным телом, падая на пол и ощущая, как под рѣбрами неприятно закололо.

А потом – размытая фигура отца, двух мужчин и темнота, окутавшая сознание.

* * *

Я разучилась считать и следить за временем. Мне никуда не нужно спешить, мне не нужно куда-то ехать, у меня нет возможности связаться с мамой и сказать, что я в порядке.

Меня это убивает.

Нейт сидит за столом напротив Моники и жуёт свой бургер. Я держу в руке свой. Они не позволяют мне голодать, требуют того, чтобы я поела, а я притворяюсь, что собираюсь съесть хоть кусочек, а на самом деле жду удачного случая, чтобы спрятать бургер и сделать вид, что съела его.

И всё могло бы проходить также: голос Нейта и хихиканье Моники над его шутками нарушали бы тишину небольшой деревянной комнаты, я бы сидела, уставившись в одну точку и неспособная думать ни о чём другом, кроме как о папе... Но всё имеет свойство меняться.

Тишину вдруг пронзает громкий треск стекла. Я успеваю увидеть, как окно, находящееся возле двери разлетается вдребезги, как что-то небольшое падает возле стола, а затем и комната начинает заполняться дымком. Но я не успеваю сделать ничего другого, как вдруг Нейт молниеносно бросается ко мне, хватая за руку и прижимая к полу.

– Не вдыхай дым! – громко говорит он. – Задержи дыхание на пару минут!

Я растеряна, но послушно набираю в лёгкие воздуха и испуганно дрожу, не понимая, что происходит. Моника сжимается в угол, среагировав ничуть не хуже своего парня. На её лице нет страха, лишь лёгкое волнение, какое обычно бы-

вает перед не особо важным экзаменом в школе.

Нейт распахивает дверь одним мощным ударом с ноги, держа небольшое полотенце прижатым к носу и рту. Постепенно дыма становится меньше, он медленно выходит на улицу через открытую дверь, вытесняемый свежим воздухом. А потом Нейт достаёт свой пистолет, прячась рядом с выходом, а позже я вижу, как в свете ламп поблёскивает небольшой нож с зазубренным лезвием, который он ловко прокручивает в голове как «бабочкой».

В проходе появляется тёмная фигура. Высокая, мускулистая, будто стальная. Я всё ещё не дышу, лёгкие горят пламенем.

Едва чья-то нога в чёрном ботинке ступает за порог, как Нейт без колебаний вонзает в неё нож, проткнув её насквозь: лезвие упирается в деревянный пол. Истошный вопль боли пронзает мне слух, в ужасе я прикрываю уши, глядя на то, как мужчина падает, а Нейт прижимает его тело к полу лицом, оказавшись сверху.

– Чувак, кто ты такой, чёрт возьми? – приставив одной рукой дуло пистолета ко лбу незнакомца, а второй хватая его за волосы, спрашивает парень.

Мужчина лишь ноет от боли, истекая кровью, кричит, стонет, не выдавая ответа. Нейту это не нравится. Вынув нож, он медленно вводит лезвие в плечо, а учитывая то, что оно зазубрено, мучения приносит невыносимые.

– Говори, блин!

Я встаю с пола, ноги превратились в ваты, мне хочется убежать отсюда, чтобы ничего не слышать, ничего не видеть, ничего не чувствовать.

– Что ты делаешь?! – кричу я, хватаясь за голову. – Хватит!

Нейт бросает на меня взгляд и улыбается:

– Не вмешивайся, крошка. Я знаю, как заставлять людей говорить.

Немыслимо, жестоко, отвратительно. Люди не способны причинять боль другим. Так поступают лишь монстры.

– Перестань! – продолжаю я. – Нейт! Пожалуйста, перестань!

– Молчи, Лина! Я разберусь с этим сам. – Парень возвращается к своему занятию, но на этот раз прикладывает нож к горлу мужчины. – Говори, чувак. Я же тебя прямо сейчас зарезу.

Не хочу больше наблюдать за этой ужасной сценой и отворачиваюсь. Смотреть на что угодно, только не на эти пытки, совершаемые прямо на моих глазах. Желудок скрючивается в уродливый узел, велик риск, что меня сейчас вырвет. Моника подбегает ко мне и пытается утешить, хватая за плечи:

– Лина, тихо, всё будет в порядке. Нейт ничего такого не сделает.

Я отталкиваю её в сторону:

– Не подходи ко мне! Не смей подходить ко мне!

Вжимаюсь в угол, смотрю на то, как Нейт, решив оставить

дальнейшие разбирательства на Гая, о чём он говорит вслух, хватает ноющего от боли мужчину за волосы и с силой бьёт о деревянный пол. Тело под ним в миг обмякает, руки безвольно падают, теперь он не шевелится и не высказывает почти никаких признаков жизни: о том, что он всё ещё жив, свидетельствует лишь поднимающаяся и опускающаяся грудь.

Нейт достаёт телефон, звонит Гаю, но из трубки слышатся одни гудки.

– Что-то он не берёт трубку, – говорит он. На лице уже проступает волнение, светлые брови хмурятся.

– Позвони парням, – предлагает Моника. – Они ведь вместе уехали?

– Так-то да, но сейчас они по идее отдельно. Гай на свадьбе у Камиллы, а остальные поехали за Хизер.

Хизер? Кто такая Хизер?

Я запускаю пальцы в собственные волосы и понимаю, что не могу отвести взгляда от лежащего у ног Нейта тела, хотя и пытаюсь отвернуться. Мужчина средних лет одет в чёрную водолазку и штаны, на поясе закреплён пистолет, а с другой стороны виднеются кожаные ножны.

– Чувак, не знаешь, где Гай? – доносится до меня эхом голос Нейта, дозвонившегося до одного из своих друзей. – Чего?! Твою-ю... Ладно, хорошо. Тогда мы выходим. На нас только что напали... – Пауза, потом ответ: – О'кей. Пусть поторопится. – Положив трубку, парень переводит на нас с Моникой встревоженный взгляд и громко говорит: – У нас

проблемы, короче. Нужно отсюда валить и как можно скорее.

– Что случилось? – спрашивает Моника.

– По дороге объясню. Сейчас нам нужно сваливать. Давайте, девчонки! На улицу!

Моника берёт меня за руку и ведёт к двери, прежде чем я успеваю сама сделать хоть шаг. Я всё ещё растеряна и напугана. Мы выходим в лес, воздух проникает в лёгкие мощным порывом. Нейт выходит из дома вслед за нами, вытягивая тело мужчины и захлопывая дверь.

А затем за нашими спинами я слышу, как к нам подъезжает чья-то машина, огибая деревья.

– Живо все сюда! – прикрикивает Лэнс через окно мерседеса.

– Чувак, открой багажник! – пыхтя, просит Нейт.

Он бросает тело мужчины на землю возле колёс заведённой машины и потирает лоб внешней стороной ладони.

– Кто это? – У Лэнса хмурятся брови.

– Это мы и выясним чуть позже, – усмехается в ответ Нейт.

Багажник раскрывается сам собой, и два парня хватают бессознательного мужчину с двух сторон, поднимают вверх и помещают его внутрь. Моника тем временем осторожно просит меня зайти в салон, что я, будучи всё такой же напуганной, делаю без дальнейших попыток сопротивляться.

Так мы оттуда и уезжаем.

Глава 43

Мерседес Лэнса мчится сперва по тихой ровной трассе, затем въезжает в город и пролетает мимо небоскрёбов и людей.

Я прижимаю ладонь к холодному окну и думаю о том, что от дома меня отделяет всего один рискованный шаг. Моника сидит рядом и всё бросает на меня виноватые взгляды. Я ощущаю, что она всё ещё чувствует моё безразличие к её словам, хоть я и сказала ей, что не злюсь.

Принимаю всех за идиотов, а идиоткой являюсь сама я.

– Так чё такого там стряслось? – спрашивает Нейт. – Где Гай?

Делаю вид, что не интересуюсь, но слух заостряется.

– Вистан каким-то образом разузнал о том, что Каталина жива, – отвечает Лэнс, поворачивая руль. На его безымянном пальце сверкает обручальное кольцо, и я мигом вспоминаю о Софи. Интересно, где она сейчас? Знает ли о том, что сейчас вокруг меня происходит?

– А откуда такая информация? – снова вопрошает Нейт.

– Хизер сообщила Зайду, а тот уже мне. Она скоро, кстати, уже должна быть.

Я едва держусь, чтобы не закидать вопросами своих спутников. Что это за женщина, о которой они все говорят? Но

от одного произнесённого вслух вопроса я всё-таки не отказываюсь:

– Что Вистан может сделать Гаю за такое... предательство?

Лэнс с Нейтом переглядываются. У меня вздрагивает непонятно от чего голос, когда я снова заговариваю:

– Убить?

Моника кладёт руку мне на плечо:

– Нет, что ты, Лина.

– Вистан Харкнесс может и бездушный человек и всегда таким был, – начинает Лэнс, – но всё-таки не настолько, чтобы лишать жизни наследника... Тем более, в связи с последними событиями, кажется, последнего.

Я мигом вспоминаю вычитанную информацию о Гае в интернете. Я помню ещё одно имя помимо Камиллы.

– У Гая есть брат, верно? – спрашиваю я.

– Ну... был, – отвечает Нейт. – Без понятия, где он сейчас и жив ли вообще. Парень исчез в тот же день, когда пропала Натали... – Решив, что я могу не знать, он добавляет: – Натали – это мать Гая.

Тишина длится недолго, Лэнс заговаривает вновь, причём голос у него в отличие от всех остальных очень успокаивающий:

– Так что пока он единственный наследник Могильных карт. Вистан придерживается принципа: передавать, так скажем, дрозды правления сыновьям. Так что убивать сына он

не станет, можешь не переживать об этом.

– Ага, – снова говорит Нейт. – Но попытать вполне может. Например, отрубить пальчики или избить до потери сознания.

По спине проходит неприятная дрожь, во рту пересыхает.

Но я ведь должна радоваться его возможным страданиям. Он искалечил меня. Я должна искалечить его в ответ. Почему же сейчас в душе у меня беспокойно и страшно за его жизнь?

– Ты никогда не видела его спину? – Из уст Нейта выбирается весьма странный вопрос. Я даже не сразу нахожусь с тем, что должна ответить.

Отрицательно качаю головой. Он улыбается:

– Ну, когда увидишь, поймёшь, какое у Вистана «заботливое» отношение к сыну.

Спустя двадцать минут после последнего разговора мы доезжаем до знакомого мне дома: жилище Лэнса и Софи. По коже пробегают мурашки, когда я вспоминаю день, в который была здесь... В окружении своих будущих, – каждый в какой-то мере, – убийц.

– А где Софи? – Нейт вылезает из машины первый, оглядывается по сторонам в предосторожности.

– У родителей, в Сан-Франциско, – отвечает Лэнс, выключая двигатель. – Если повезёт, побудет там месяц. По крайней мере, до тех пор, пока здесь всё не уляжется. Я не хочу

рисковать её жизнью. — Он кивает в сторону дома: — А сейчас идите все внутрь. Я подъеду к Зайду с Уэйном. Нужно как можно скорее привезти Хизер и вызволить Гая.

— О'кей, чувак, давай! — Нейт пожимает другу руку, хлопает его по плечу. — А я как всегда остаюсь с девочками, получается?

Лэнс не отвечает, вместо этого надевает солнцезащитные очки, готовясь выехать на дорогу вновь. Но я уже этого не вижу, потому что иду к дому, дверь в который мне любезно открывает Нейт с привычной для него глупой улыбкой.

* * *

Немного надо для того, чтобы сойти с ума от волнения. И Гай понимает это чувство, как только раскрывает глаза.

Голова трещит по швам. Запястья прикованы наручниками за спиной. В глазах двоится, размывается, предметы вокруг «текут». Но он без труда вспоминает, как тело пронзила боль от удара током, так что о произошедшем догадаться было легко. Может быть, ему даже что-то вкололи.

Огромные шкафы, сверху-донизу забитые книгами, образуют высокие стены. Комната мрачна и вместе с тем очень красива. Здесь пахнет роскошью и дорогим парфюмом. Кожаное кресло стоит у рабочего стола, обставленного статуэтками и кое-какими бумагами.

Чёрт, – проносится у Гая в голове.

Его посадили на стул в кабинете отца. В месте, где ему впервые пришлось убить человека в возрасте шестнадцати лет. Тот день никогда не забудется и не выведется из разума так просто. Разве что придётся стереть себе память, чтобы этого добиться.

Вистан входит в свой кабинет тяжёлыми и грозными шагами, и при этом ему удаётся выглядеть поразительно спокойным. В этом весь Вистан Харкнесс.

Гай сжимает кулаки, стискивает зубы и таращится на отца в полутёмной комнатке. Все движения мужчины плавны и строго отточены.

– Что мне с тобой делать, сынок? – спрашивает Вистан. – Можешь выбрать себе участь самостоятельно. Я разрешаю.

У Гая вдруг откуда-то берётся смелость, когда он шипит:

– Думаешь, наручники смогут меня удержать?

– Нет, не они. – Отец легонько улыбается, и со стороны могло показаться, что это простая добродушная беседа родителя и ребёнка. – Но вот охрана снаружи у двери вполне сможет.

Нет оснований не верить в то, что это правда.

Парень бросает взгляд на окна: плотные чёрные шторы с золотистой вышивкой, задёрнуты, лишая возможности глянуть на улицу. Предусмотрительно. Одна из любимых

пыткок Вистана – бросить жертву в тёмную комнату, закрыв все щели, откуда может проникнуть свет снаружи. Таким образом человек просто теряет счёт времени и даже не понимает: ночь сейчас или день, теряясь в пространстве.

– Сколько я тебя помню, сынок, ты горел желанием отомстить за свою мать, – заговаривает Вистан. Его голос, кажется, с лёгкостью разрезал бы сталь. – Или тебе нужно напомнить, что её отец сделал с Натали? В каком состоянии было её тело в тот день. Напомнить?

Гаю не нужно напоминать, ведь ещё будучи подростком он собственными глазами видел её тело в тот день. Уже начавший гнить, сгоревший и неузнаваемый кусок плоти, когда-то являвшийся красивой женщиной. Любящей матерью. Не нужно Гаю напоминать и в связи с тем, что картина, представшая тогда перед ним, всегда всплывает в кошмарах по ночам.

– Что же случилось? – Отец вглядывается в черты лица собственного сына, словно именно на нём написан ответ. – Как же ты мог предать собственную мать? Разве она недостаточно тебя любила?

– То, что ты приказывал мне сделать, не является местью. – И хотя внутри всё болезненно сжимается от горечи, Гай пытается говорить сурово. Наручники на его запястьях издают лязг. – Никогда не являлось.

– Да? Это почему же?

– Каталина не виновата в том, что произошло с мамой.

Хватит. Нам нужно оставить её в покое.

Вистан разражается хохотом. Вполне ожидаемо от безжалостного убийцы, движимого одним лишь желанием – убить как можно больше людей.

– Да. Девчонка ничего не сделала своими руками, однако сделал её отец. – Он кивает, будто собирается соглашаться со всем, что скажет сын. – Считай её предметом, неодушевлённой вещью, которая должна быть приведена в жертву во имя чести. А честь свята для нашего рода.

– Можно поступить иначе, – выдаёт Гай, на этот раз в голосе звучит злость. – Необязательно поступать так, как того хочешь ты.

– Нет, – качает головой Вистан, – другого выхода нет. Убийство её папаши не будет считаться законченным делом. Он должен страдать, равно как страдали мы в своё время. – Наклонившись к лицу Гая, он тычет его в грудь, произнося: – Я – глава Могильных карт. Я не оставляю людей, перешедших мне дорогу, невредимыми: будь то физический вред или моральный.

Гай поднимает глаза. В них ясно горит гнев вперемишу со скользким чувством страха. Голос кажется скрипучим, когда он осмеливается произнести:

– Так или иначе, Каталина в безопасности. И я не позволю ни тебе, ни твоим людям навредить ей. Даже если мне придётся умереть.

– Неужели? – усмехается Вистан. Он смеётся над по-

пытками сына дерзить, забавляется беспомощности, а всё потому, что он прекрасно знает, насколько сильно Гай боится его. — Но я уже нанял человека, который сделает за тебя эту работу. По крайней мере, он приведёт и бросит девчонку прямо к моим ногам. А там уже дело завершу я.

Нанял человека, — сам себе повторяет Гай, хмуря брови. Возможно, отец дал задание одному из обладателей серебряной карты, ведь они — самые приближенные к нему солдаты. Но подобные мысли быстро выветриваются из головы. Он не станет пускать своих верных псов на такое пустяковое задание, у них других дел полно, — возражает собственным предположениям парень.

Остается один единственный возможный человек. Но Гай молится, чтобы догадка оказалась ошибочной.

— Кого? — спрашивает он, будто надеется услышать ответ.

Вистан ухмыляется. И ухмылка эта куда страшнее гневного голоса или злых глаз. Потом мужчина, ступая чистенькими туфлями по сверкающему полу, направляется к дверям.

— И я знаю, что как минимум трое моих людей: Нейтан Блэквуд, Уэйн Томпсон и Зайд Парса, помогают тебе в спасении девчонки. А это предательство. Тебя я убить не могу, но вот они... Просто знай, как только эти ублюдки попадутся в мои руки, мучения их будут страшнее смерти. Ты ведь сам знаешь, как устроены в нашем царстве пытки и

наказания за оплошность. Пусть готовятся.

И Вистан Харкнесс, выдав эти жуткие угрозы, выходит из кабинета и запирает за собой дверь.

* * *

Нейт не отходит от окна ни на минуту, периодически выглядывая наружу и сжимая в руке нож, которым скользит по стене возле себя, как бы выводя невидимые узоры. Нож, на котором недавно виднелась кровь.

Я не знаю, что случилось с тем мужчиной далее, но и спрашивать мне не хочется. Я не могу забыть спокойные лица окружающих меня людей, пока лезвие вонзалось ему под кожу.

Каждая секунда, проведённая в доме Лэнса и Софи, заряжается новой порцией напряжения, мне не удаётся в полной мере расслабить тело и успокоить бушующие мысли в голове.

– Вот блин. Я хочу пisać, – неожиданно заявляет Нейт, нарушив гробовую тишину.

Я поднимаю брови в удивлении.

– Зачем нам эта информация? – спрашиваю я почти зло.

– Я не могу отойти от вас. Зная тебя, – он демонстративно указывает пальцем на меня, – я почти уверен в том, что ты во что-нибудь вляпаешься.

– Малыш, не преувеличивай, – весело проговаривает Мо-

ника, лежащая на диване. – Ты говоришь так, будто для того, чтобы сходить в туалет, тебе нужно пробраться через океан на другой конец света. Иди. Я за ней пока прослежу.

– Не сможешь.

– Смогу.

Нейт щурится, бросая на меня взгляд, а потом заговаривает со мной:

– Обещай, что не доставишь моей крошке неприятностей.

Перевожу взгляд на Монику, потом снова на него:

– Не хочу давать обещаний, которые могу не выполнить.

– А ты просто выполни.

– Иди в задницу, Нейт. Я не обязана тебе что-то обещать.

– Ах! Какая ты упрямая попа!

Моника подсказывает с места, спеша к своему парню. Приложив свои руки на его плечи, она толкает Нейта к двери, приговаривая, что сможет за мной уследить и чтобы он наконец уже шёл в туалет, раз так хочет.

Комната тут же погружается в тишину.

Я сижу на кресле с опущенным взглядом, пытаюсь бороться с огромным количеством мыслей, смешавшихся в моей бедной голове. Вспоминаю, что однажды мы сидели здесь за чашкой чая в компании Софи. Вспоминаю и её тогдашние слова, адресованные мне: «*Она всего лишь ребёнок*». Теперь они заиграли новыми красками.

Ему вовсе не восемнадцать, как я раньше думала. Судя по информации в Интернете, ему двадцать два года. А мне всё

ещё семнадцать. Рядом с ним я действительно ребёнок, хоть разницы не так уж и много.

– Ты знаешь о том, чем он занимается? – спрашиваю я, как только Моника снова появляется в комнате. – О его работе.

Девушка садится на диван и отвечает:

– Да. Всегда знала. С самого первого знакомства с ним.

– Он убивает людей? – Мой голос хриплый и неуверенный. – Также, как и Гай?

Она отрицательно качает головой, взгляд какой-то сочувствующий. Правда, не понимаю, как она может сочувствовать мне, когда сама совсем недавно помогала друзьям, зная, что меня по итогу ждёт.

– Нет. Нейт числится в подразделении наркоторговли у Могильных карт. Он курьер, развозит наркотики по богатым домам, договаривается с наркокартелями и прочее. Пока убийств от него не требовалось.

Словно меня это должно было утешить...

Я горько усмехаюсь, опуская голову к прижатым к телу ногам.

Нужно что-то делать... Мне нужно понять, как наладить жизнь. Я не собираюсь проводить время с людьми, желавшими моей смерти. Надо что-то предпринять.

Внезапно со стороны двери раздаётся щелчок. Не успеваем мы и головы повернуть, как в дом уже входит трое человек. К счастью, все они нам знакомы.

– Привет, цыпочки, – здоровается с нами Зайд, едва пе-

реступая порог.

Он бросает звенящие ключи от машины на столешницу в мини-кухне, треплет чёрные волосы, плюхается на кресло возле меня и принимается открывать банку пива, которую принёс с собой.

Лэнс проходит дальше в гостиную, осматривается и строгим голосом спрашивает:

– Где Нейт?

– Пошёл в уборную, – отвечает Моника, кивнув в сторону дальней двери. – Вот-вот уже должен выйти.

У Лэнса очень взволнованный взгляд, и я ненароком задумываюсь: не связано ли это с выясненной новостью касательно Гая. Может, что-то случилось?

Странно, но мне не хочется думать, что с ним могли сделать что-то ужасное.

– Хизер сможет приехать только завтра, – говорит Лэнс, видимо, обращаясь к Монике.

– Кто такая Хизер?

Мой голос привлекает внимание каждого присутствующего. Уэйн почти бесшумно фыркает в раздражении, отворачиваясь от меня и вытаскивая из кармана пачку сигарет, Зайд отпивает немного из пива и наоборот смотрит на меня со слабой усмешкой на губах.

– Наша замечательная подруга, – отвечает он. – Одна ох_енная цыпочка.

– Зачем вы её позвали? – продолжаю я. – Почему вы все

так её ждёте?

– Хизер – одна из обладательниц серебряной карты, – выдаёт Лэнс с таким тоном, словно я автоматически должна была понять, что он имеет ввиду.

Я по-прежнему в недоумении, кажется, даже запуталась ещё сильнее. И тогда, видя выражение моего лица, Лэнс вдруг меняется.

– Гай или Нейт тебе не рассказывали о картах? – спрашивает он, переглянувшись с Зайдом.

Вместо слов я просто отрицательно качаю головой.

– О, ну это самое невье_енное, – издаёт смешок Зайд. – Знаешь ли, в каждой преступной организации есть касты. Иерархия, другими словами. В Могильных картах для определения места каждого члена мафии используются карты, от которых, кстати говоря, и пошло это ох_енное название. – Он отпивает ещё пива, потом продолжает: – Босс, глава, лидер – называй как хочешь – имеет при себе *бриллиантовую*. В прочем, как и его жена. Все наследники мужского пола – будь то сыновья или внуки, – обладают *золотой*, как и их жёны. *Серебряные* карты у самых приближенных к семье солдат, итальянский их аналог, зовётся, кстати, «консильери», но тебе вряд ли нужна эта инфа. И наконец, *чёрные* карты принадлежат у нас мелким солдатам, некого рода «шестёркам», но стоящим чуть повыше.

В голове сразу собирается полная картинка из тех кусочков пазла, которые были разбросаны по моей голове. Я ми-

гом вспоминаю всё, что слышала и видела.

Гай однажды вытаскивал из кармана золотую карту. Всё сходится. Он – наследник.

Нейт показывал мне *чёрную*, а значит он мелкий солдат, работает наркокурьером, как мне поведала Моника совсем недавно.

– Что эти карты дают? – спрашиваю я. – Они просто указывают на место в организации?

– Не-а, цыпочка, – ухмыляется Зайд. – Это не просто карточки, это своего рода гарантия защиты. Ни один безмозглый х_й, если конечно он действительно не безмозглый, не будет рисковать, нанося вред члену Могильных карт. Иначе и его, и его семью кокнут. Вистан не терпит, когда кто-то трогает его людей. Хочешь-не хочешь, мы – его собственность, как только вступили в ряды солдат. К тому же каждая карта хранит личную информацию о своём обладателе. Это не просто картонки, а что-то вроде электронной карты.

Гарантия защиты... *Вот почему, думаю я, наверное, тот ублюдок, напавший на меня в переулке, так изменился в лице, когда увидел золотую карту, которую достал перед его лицом Гай.* Он был в ужасе. Ведь только что он пытался пырнуть ножом наследника Могильных карт, получается, единственного сына босса этой преступной организации.

– У твоего отца была *серебряная*, – добавляет Лэнс. – Он был одним из самых приближенных к Вистану людей, его близким другом.

– Да, пока твой папаша не решил убить его жену, – язвительно произносит Уэйн, о присутствии которого я и позабыла.

Я поворачиваюсь к нему с негодованием и злобой. Отчего-то с самого первого дня он ведёт себя как полный кретин. Совсем по-другому, нежели все остальные.

– Уэйн, помягче, – выгибая бровь, произносит Лэнс громко.

– Я сказал что-то неверное? – Парень насупливается, сверлит меня сверкающим зло взглядом. – Будь я на месте Вистана, собственноручно избавился бы от всей этой паршивой семейки Норвудов и не стал бы церемониться с этой сучкой!

Захлопывается дверь в уборную. В гостиной уже появляется справивший свою нужду Нейт.

– Хэй, чувак, держи язык за зубами! – прикрикивает он без лишних приветствий прибывших друзей. – Гай тебе его отрежет, как услышит, какими словечками ты бросаешься!

– У него снесло крышу, – фыркнув, выдаёт Уэйн. – Он просто рехнулся и не способен сейчас принимать здравые решения... Стерва что-то с ним сделала. – Это слово адресовано мне, он будто с удовольствием его растягивает, глядя на меня, а потом вдруг спрашивает: – Признайся, что ты ему сделала? Неужели ты настолько искусна в минете или скакала на нём настолько превосходно?

Грязные слова кидаются в меня, как тяжёлые камни. Они

словно втаптывают меня в землю, кожа покрывается невидимыми ранами и кровоточит. В ужасе от услышанного я не сразу понимаю, что зла. Потому что первыми чувствами выступает растерянность и жгучее унижение.

– Уэйн! – Голос у Лэнса проносится по гостиной целым ураганом. Он громок, очень серьёзен и груб. – Довольно, чёрт возьми! Иди, покури и успокойся!

Зайд считает нужным кинуть своё:

– Реально, это уже явный перебор, кусок ты долбо_ба.

Уэйн не удосуживается даже взгляда бросить в их сторону: глаза, – голубовато-серые, но каким-то образом в то же время и бездонные, – сейчас прикованы только ко мне. В них бурлит словно кипящее масло ненависть. А потом быстрыми шагами он покидает нас, захлопывая с шумом дверь.

Нейт садится передо мной на корточки.

– Не обращай внимания, Лина, – просит он, голос звучит как-то заботливо, будто со мной говорит брат. – И не расстраивайся из-за всего, что тебе когда-либо кто-то говорит, хорошо?

Я киваю, хотя и знаю, что не обращать внимания на то, как кто-то говорит, что я на ком-то скакала, у меня не выйдет.

– Раз он так меня ненавидит, – говорю я, – зачем помогает? Почему бы ему просто меня не убить?

– Он делает это всё ради Гая. Как и все мы... Но с одним исключением, – Нейт тыкает в самого себя пальцем и улыбается, шуточно добавляя: – Ты мне нравишься, поэтому я

помогаю тебе теперь не только из-за Гая.

И я впервые за столько времени беспомощно улыбаюсь в ответ. Кажется, все разом расслабляются и выдыхают, будто бы именно этой улыбки ждали всё это время.

А может это связано с тем, что теперь я избранница Кровавого принца, которого все боятся. Может, даже его собственные друзья.

Глава 44

– Крошка, пора бы тебе домой, – вдруг заявляет Нейт.

Сперва я решаю, что он обращается ко мне, внутри разрастается трепет, но повернувшись, в разочаровании обнаруживаю, как он с любовью ласкает волосы Моники, обращаясь, как оказалось, именно к ней.

Девушка удивлённо сгибает брови:

– Что? В каком это смысле?

– В самом прямом.

Моника бросает на меня такой взгляд, как будто находить-ся здесь её просила именно я. Меня это заставляет испытать дикое раздражение.

– Но почему? – спрашивает она, обращаясь к своему парню.

– Крошка, это всё слишком опасно. – Нейт притягивает её к себе за талию, начинает покрывать поцелуями щёки. – А я не могу позволить, чтобы с моей драгоценной женщиной что-то произошло. Я же повешусь с горя.

Меня вот-вот затошнит.

Моника хихикает ему в губы, прикрывая глаза и делая вид, что пытается увернуться от поцелуев.

– Но я не могу оставлять с вами Лину одну, – возражает она.

– Нас много, а она одна. Мы как-нибудь уж защитим её без тебя.

– Ой, да причём здесь это? Разве ей не нужна поддержка? Какая-нибудь подружка?

Я решаю наглубить почти во весь голос:

– Нет, не нужна.

Девушка поворачивается ко мне с удивлением и смущением на лице. Я добавляю:

– Я нахожусь здесь не по своей воле. Мне не нужны подачки в виде подружек. Так что можешь спокойно уезжать, если это будет во благо твоей безопасности.

Нейт с Моникой переглядываются.

В другом случае я не позволила бы себе так грубить людям, пытающимся мне помочь, но ситуация и без того накаляющаяся. Нет у меня желания и сил с кем-то любезничать.

Теперь я хочу думать не об удобстве других, а только о себе.

Я перевожу взгляд на Лэнса, следящего за обстановкой на улице через то же окно и периодически бросающего взгляд на телефон в руке, который он прикладывает моментами к уху. Зайд выпивает уже третью банку пива: на журнальном столике стоят ещё две.

– Слушайте, – произносит он громко, – как думаете, может стоит на время отказаться от помощи этого долбо_ба?

Речь идёт о Уэйне, определённо.

– Он ведёт себя как идиот, – продолжает Зайд. – Боюсь,

наша цыпочка не в безопасности, пока рядом шныряет этот странный хер.

Ему не отвечают. Лэнс всё ещё занят своим телефоном и окном, а Нейт, кажется, уговаривает Монику ехать обратно домой.

Поэтому внимание Зайда тут же переключается на меня. Его карие глаза направляются в мою сторону, чёрные брови сгибаются под стать ухмылочке, возникшей на губах. Пирсинг на них блестит, когда он заговаривает:

– А ты как думаешь, Лина? Я же могу называть тебя Лина?

– Да, – безразлично бросаю я.

– А ты чего такая хмурая? – Он делает глоток пива, потом протягивает мне. – Хочешь?

Отрицательно качаю головой. Он убирает банку на столик, закидывая на него обе ноги в чёрных зашнурованных ботинках, напоминающих солдатские сапоги.

– Вот глядя на тебя, отчасти понимаю, почему Гай в тебя втрескался по самый х_й, – говорит Зайд. – Но в это же время них_я не понимаю. Таких красоток вокруг него вертится куча. Среди дочек семейных друзей много симпатичных мордашек и не только мордашек.

Я не понимаю, к чему это он мне говорит, и почему меня задевает упоминание каких-то других девушек. Поэтому продолжаю молчать.

– Что же в тебе такого особенного, что он так решил рисковать своей жопой ради тебя? – Зайд прищуривается, глаза

уже пьяно блестят. – Ты не подумай, я сейчас не веду себя как какой-нибудь еб_нат, как наш Уэйн, и не пытаюсь тебя задеть. Просто искреннее любопытство.

– Вероятно, как и сказал ваш Уэйн, Гай просто рехнулся, – отвечаю я всё таким же безжизненным тоном.

Он коротко смеётся, потом кивает:

– Похоже на то.

Я поворачиваюсь к окну, когда замечаю какое-то движение. Лэнс тоже его замечает, но не спешит доставать какое-нибудь оружие, чего я от него и ожидала. Вместо этого он приоткрывает дверь.

У меня сердце замирает, когда в дом входит человек, который два месяца назад разбил мне сердце, а потом вернулся, чтобы спасти от страшной участи. Проблема в том, что страшную участь за собой принёс тоже он.

– Оу, чувак! – радостно вскрикивает Нейт, обнаружив его у порога. – Как же круто, что ты не сдох.

Гай закрывает за собой дверь и отвечает на рукопожатие светловолосого друга. Но потом взгляд зелёных глаз стремится ко мне, словно он уже заранее знал, где именно я буду сидеть. Я оглядываю его с ног до головы. Он цел и невредим, по-прежнему одет во всё чёрное: водолазка, штаны, пальто. На шее те же цепочки с брелками из крестика и игральных карт. Глядя на карты, я вдруг начинаю понимать, что они могут так же значить его принадлежность к Могильным картам.

– Как ты выбрался? – спрашивает Моника. – Мы за тебя

волновались!

– Всё, чему меня учил отец, сыграло против него, – отвечает ей он.

Я отворачиваюсь, не желая глядеть на него. Потому что стоит мне лишь посмотреть в эти глаза, как всё вокруг теряет свой смысл. Я вполне могла бы провести вечность, глядя в них, теряясь точно как в лесу и не пытаюсь найти выход обратно. А мне сейчас нельзя забивать голову ненужными мыслями.

Но тем не менее, в мою сторону раздаются шаги, а голова затихает. Я уже ощущаю запах Гая: головокружительный аромат мяты вперемешку с гибискусом.

– Привет, – говорит он тихо.

Молчу.

– Ты можешь обижаться на меня вечно, но тебе придётся со мной говорить время от времени. Пожалуйста, ответь мне.

Тогда я поворачиваю к нему голову. На меня смотрит его поистине красивое лицо. Несомненно, Гай приобрёл самые лучшие гены от своих родителей.

– Что ты хочешь услышать от меня? – спрашиваю я. – Я действительно не понимаю, чего ты хочешь от меня.

– Твоего прощения. Это всё, что мне нужно сейчас.

– Ты его не получишь.

В его глазах показывается боль. Она была бы видна даже самому слабовидящему человеку. Почувствовалась бы в

воздухе.

– Ты думаешь, человек не заслуживает второго шанса? – спрашивает он хриплым голосом.

– Человек заслуживает, а ты – нет.

– Так или иначе, ты моя пленница. – Он поворачивает моё лицо к себе, двумя пальцами хватая подбородок. – Ты ведь так и хочешь считать, верно, Каталина?

– Я – пленница твоих манипуляций ещё с самого первого дня нашей встречи, – зло бросаю я. – А ты – подлый лжец, решивший, что он может отнять у меня нормальную жизнь, которую я заслуживаю по праву.

– Возможно и так. – Гай опускает взгляд на мои губы, но быстро возвращает его к глазам. – Но ничего не изменит того факта, что *ты мне нужна*.

Эти три проклятых слова разбивают меня окончательно. Я чувствую, как трескается сердце, как трескается всё моё существо. У меня поджимаются колени, руки охватывает дрожь.

– Что я всегда был полным психом, – выдыхает он, – но сейчас окончательно сошёл с ума. *Ты* сводишь меня с ума.

Я не вижу смысла отвечать ему что-либо.

Сейчас не существует другого мира. Сейчас здесь только я и он. И наши глаза.

Отчаянно прошу себя не забывать о том, что он сделал. О том, какие страдания принёс. О том, что он – сын главы опасной преступной организации, не щадящей никого и ни-

чего.

Но стоит ему вдруг пальцами пройтись по моей щеке, как всё забывается в миг.

Я вспоминаю его руки на своём теле, и меня снова бросает в жар.

– Я ненавижу тебя, – шепчу я. – И всегда буду ненавидеть.

– Врёшь, – говорит он в ответ. Его лицо очень близко. Я могу лишь прикрыть глаза и поддаться на сантиметр вперёд, чтобы позволить нашим губам соприкоснуться. – Нагло врёшь. Я нужен тебе. Также, как и ты мне нужна.

В голове что-то взрывается.

И мне наконец хватает храбрости толкнуть его в грудь. Он отшатывается от неожиданности, неготовый к тому, что я приложу максимум сил, чтобы противостоять его чарам.

– Ты однажды разбил мне сердце, Гай, – говорю я, хмурясь от боли и поднимающегося к горлу комка. – Теперь я хочу разбить твоё.

Он издаёт краткий смешок, полный горечи и издёвки одновременно. А потом тихо отвечает:

– Не выйдет, Каталина. У меня нет сердца.

И это, пожалуй, единственная правда, которую он в последнее время произнёс.

Глава 45

Я не расстроилась, когда Моника всё-таки покинула нас. Не испытала и капли вины перед ней даже тогда, когда она бросила на меня печальный взгляд, просящий прощения. Мне было попросту плевать.

Теперь я осталась одна посреди парней. На одного человека зато меньше. Мои шансы удрать прибавились.

После этого события проходит больше часа.

Гай кладёт на столешницу несколько пистолетов и два ножа в кожаных чехлах. Он проверяет обойму каждого оружия, проводит пальцем по лезвию ножей, чтобы удостовериться в том, что они хорошо заточены.

– Зайд, этот никуда не годится, – говорит он, бросая нож в друга: тот слёту его хватает прямо за рукоять. Никогда не видела столь ловких людей.

– Ё_анный в рот, – скулит в ответ Зайд, проверяя лезвие самостоятельно. – Это сколько же уродов ты им зарезал, что довёл до такого состояния?

У меня всё внутри холодеет, а лоб покрывается потом. Я ужасно не хочу знать ответа, хотя и знаю его слишком хорошо, чтобы говорить вслух.

– Эй, следи за языком, – шипит Гай, кивнув в мою сторону. – Я ведь предупреждал, чтобы ты не матерился в присут-

ствии Каталины.

– Ой, да ладно тебе! А ты думаешь, что она настолько невинна, что способна из-за мата начать плакать?

Но отвечать ему не приходится; Гай награждает его лишь ещё более суровым взглядом, который угрожает куда эффективнее, чем слова. Поэтому Зайд поднимает руки, будто сдаваясь, и поднимается с кресла, вытаскивая что-то из кармана.

– Нейт, по-моему, ты кое-что забыл в моём багажнике, – произносит Лэнс с другой стороны гостиной.

Нейт шлёпает себя рукой по лбу, словно внезапно вспомнив о чём-то крайне важном.

– Ах, да! Вот я кретин! – Он обходит комнату, подходит к Гаю, кладёт руку на плечо друга и тихо произносит почти в ухо: – Чувак, у нас там одна проблемка.

Гай поворачивается к нему с выжидающим взглядом и приподнятой бровью.

– Ты же знаешь, что на нас напали в домике в лесу... – продолжает Нейт. – Этот чувак всё ещё в багажнике Лэнса. Я его успел тогда вырубить, но он ничего нам не сказал. Ни дельного, ни даже бесполезного. Ничего.

Я хочу исправить его, выкрикнув: «Он не мог сказать, потому что ты жестоко пронзил его ножом!», но я сдерживаюсь от подобных высказываний. Они не будут иметь никакого веса.

– Почему вы раньше мне не сказали? – грубо произносит

Гай. — Я думал, вы уже с ним покончили самостоятельно.

— Да я совсем позабыл о нём, — оправдывается Нейт, будто забыть о запертом в багажнике мужчине легче лёгкого.

Закатив глаза, Гай толкает друга в сторону, выхватывает один из пистолетов и окликает:

— Лэнс, пойдём со мной. — Повернув голову в сторону Зайда, он сурово выдаёт: — А вы с Нейтом оставайтесь здесь. И не спускайте глаз с Каталины.

— Есть, сэр! — шутливо бросает блондин.

Дверь захлопывается. Я слышу голос снаружи, слышу, как открывается багажник, как чьё-то мычание проскальзывает через щель под дверью, заставив меня нервно закусывать губу, даже не представляя, что будет там происходить.

Зайд, достаточно заточив нож, проверяет его в действии, бросая на специальную для этого доску, висящую на стене. Нож, преодолев несколько метров, летит через всю гостиную и вонзается острым кончиком в цель.

— На, поешь, — говорит вдруг Нейт, кладя мне на колени тарелку с недавно приготовленным омлетом.

— Я не хочу есть, — отвечаю я, пытаюсь убрать тарелку в сторону, однако он перехватывает мою руку, не дав мне это сделать.

— Я тебя не спрашиваю. Гай сказал, чтобы ты поела. Ты и так выглядишь как дистрофик... Взгляни только, какая худющая!

Взяв вилку и воткнув её в кусочек омлета, я demonstra-

тивно откусываю пищу и громко жую, зло глядя парню в глаза.

– Доволен? – процедила я, продолжая жевать.

– Ага, – улыбается Нейт. – Молодец.

Он наконец отходит, и я выплёвываю не до конца прожёванный кусок омлета обратно в тарелку. Если бы я его проглотила, меня вырвало бы прямо на этот чистый пол. Аппетит давно меня покинул.

– Что они будут с ним делать? – спрашиваю я, дабы отвлечься от чувства тошноты в горле.

– Убьют, – просто выдаёт Зайд, криво ухмыльнувшись.

Нейт бьёт его локтем в живот, а я замираю от ужаса.

– А что? – невинно хлопает глазами всё тот же Зайд, обращаясь к другу. – Думаешь, она и сама не догадалась, *что* они будут творить с тем бедолагой? Думаешь, она думала, что они там чай будут распивать?

Я резко встаю.

Не знаю, почему вдруг я решаю, что смогу противостоять этим ужасным планам. Почему я думаю, что сумею остановить жестокого человека, зовущегося Кровавым принцем?

Быстрым шагом направляюсь к двери. Нейт бежит ко мне, пытаюсь заслонить проход. Я бью его в грудь, крича:

– Отойди! Сейчас же отойди!

И хоть мои удары не нанесли бы никакого урона при других обстоятельствах, я всё же занималась боксом со своим личным тренером и многому научилась. Например, тому,

как больнее всего ударить.

Я так и делаю.

– Ох, чёрт! – округляет от удивления глаза Нейт, отходя в сторону и держась за живот.

Я распахиваю дверь, когда путь освобождается. Но не обнаруживаю на улице никого. Дверца багажника машины Лэнса раскрыта, однако внутри нет тела, одни верёвки и кусок ткани, которым могли затыкать рот. Я обхожу дом по боковой стене, прохожу мимо окон и деревьев и слышу голоса.

Да, точно. Они все устроились на заднем дворе.

Я с ужасом замечаю наконец связанного к стулу мужчину: лицо разбито в кровавое месиво, кровь течёт по подбородку на землю, голова опрокинута вперёд. Похоже, он на грани потери сознания.

Костяшки пальцев Гая, стоящего перед ним, разбиты.

– Вы этого не сделаете, – хриплю я. Голос кажется уставшим.

Лэнс, Гай, Уэйн. Они втроём синхронно поворачивают головы в мою сторону. В трёх парах глаз самые разные эмоции.

– Что ты здесь делаешь? – злобно цедит Гай. – Почему эти недоумки тебя сюда пустили?

– Ты не станешь убивать ещё одного, – игнорируя его вопросы, говорю я. – Только не тогда, когда я об этом знаю, слышу и вижу.

– Иди в дом. Сейчас же.

Снова эти приказы. Словно я его личный питомец, зве-

рушка, которую он приручил. Я нужна ему только для того, чтобы исполнять приказы.

Однако я не колеблюсь, даже под напором его сердитых зелёных глаз, когда он подходит ближе. На его одежде – капли чужой крови, кровь есть и на пальцах.

– Нет. Я никуда не уйду.

Гай хватает меня за плечи, сжимая их. Я чувствую лишь малую часть его силы. В другом случае он стёр бы меня в порошок.

– Мы не можем оставлять его в живых, – отчеканивает он каждое слово, словно объясняет ребёнку простые правила чтения. – И не станем. Я знаю, как это делается. Знаю, что он сразу побежит к моему отцу и выдаст всю информацию о нашем местоположении. Он выдаст адрес Лэнса, расскажет о том, сколько нас тут и куда мы собираемся идти дальше. Я *должен* его убить во избежание будущих проблем.

У меня подкашиваются ноги, в глазах образуются размытые серые блики.

Должен убить... Разве есть существо, способное так легко выдать нечто подобное? Будто жизнь ничего не стоит, будто её можно отнять, когда заблагорассудится.

Я бросаю ничтожный взгляд на привязанного к стулу человека. Ведь он тоже человек. Остаётся им, по крайней мере. Имеет, может, даже жену или детей.

– Он ведь живой человек, – шепчу я. – Неужели тебе действительно всё равно на то, чтобы убить?

Смешно. Конечно, ему всё равно.

Кровавый принц заправляет убийствами в своём королевстве. Он убивает каждый день, кровь для него какого-то рода искусство, всепоглощающая красота. Так я о нём читала.

– Каталина, уходи в дом. – Его голос режет меня на кусочки. Злой, уверенный, тяжёлый и острый. – Быстро.

– Пожалуйста... – Я использую последнюю попытку его отговорить. Хватаю за руку, нежно сплетая пальцы. Смотрю на него невинно и умоляюще. – Пожалуйста, Гай, не делай этого. Придумай что-нибудь другое.

– Отпусти мою руку, – говорит он холодно, опуская взор, чтобы не встречаться со мной взглядом.

– Прошу тебя, – шепчу я.

– Руку.

От бессилия и беспомощности мне хочется упасть на колени и рыдать. Рыдать так долго, что глаза иссохнут, что горло треснет, что голова разорвётся, а тело ослабнет.

И тогда я отхожу от него назад, уставившись мёртвым слезливым взглядом на его лицо, полное безразличия и спокойствия.

– Лэнс, – зовёт Гай друга. – Уведи её в дом. И не выпускай, пока я не разберусь со всем этим.

– Я тебя ненавижу, – шиплю я на него, делая шаг назад. – Ты... Ты...

– Ублюдок? – добавляет он за меня. – Я знаю. Но на данный момент я ублюдок, жертвующий собственной жизнью

ради жизни твоей.

Лэнс хватает меня руками за плечи. Я одёргиваю их. Внутрь у меня всё оборвалось, нет теперь во мне ни капли надежды на счастливый исход. Нет сомнений в том, что Гай Харкнесс – жестокий психопат-убийца. Он не способен на жалость и милосердие, не умеет любить и быть добрым по отношению к кому-либо. Всё это отговорки. Я просто его пленница. Он сам мне так сказал.

Гай просто наслаждается моим уязвимым положением и упивается страхом. Я его личная игрушка.

Но совсем ненадолго. Я от него избавлюсь. От всех них. Не знаю пока как, но обязательно придумаю.

* * *

Хизер приезжает ближе к обеду. Об этом весело сообщает Нейт, выглянувший за дверь.

Я не отвожу взгляда с двери, ведущей на задний двор, за которой произошло убийство. Я не смогла ему помешать. Я слышала выстрел, а потом звук мёртвого тела, которое тащат по земле.

Его выбросили. Я уверена в том, что убитого даже не удосужатся похоронить по-человечески. Ведь его убийцей выступил *монстр*.

Входная дверь распаивается, на пороге по-хозяйски показывается высокая девушка с обведёнными чёрным дым-

ком теней серыми глазами и волосами цвета пепла. Она одета в кожаные штаны, майку и чёрную джинсовую куртку, украшенную серебристыми пуговицами. На шее – чокер из шипов, из нагрудного кармана выглядывает серебряная карта.

– Рада видеть вас всех недохлыми, – усмехается она, едва войдя в дом. – Но это ненадолго.

– Хизер в своём репертуаре, – ухмыляется Зайд, дав ей «кулак».

Гай вытирает руки полотенцем и, не поворачиваясь к подруге, спрашивает:

– За тобой не было «хвоста»? Ты в этом уверена?

– Да на все сто процентов. Сомневаешься во мне?

Голос у Хизер хриплый и грубый, она явно увлекается сигаретами, да ещё и с ранних лет. Она обводит глазами гостиную, интересуясь:

– Ну и как же выглядит та девчонка, ради которой начался весь этот переполох?

Она наконец останавливает взгляд на мне. Серые глаза в любопытстве осматривают каждую деталь моего лица. Она едва не сверлит во мне дыры.

– Так вот какая ты, Каталина Норвуд. – Хизер усмехается снова, и я замечаю, что она к тому же жуёт жвачку. – Слышала о тебе много. Ожидала увидеть нечто подобное. Как раз во вкусе Гая. Сама невинность с щенячьими глазками. Типичная жертва.

– Хизер, – с нажимом произносит Гай. Теперь он уже отходит от раковины, где только что отмывал руки от крови, и подходит ближе ко мне. – Ты здесь не для того, чтобы обсуждать лишние темы.

Хизер поднимает густую тёмную бровь со сбритой полоской ближе к кончику. Взгляд выжидающий. Чёрные ногти стучат по её скрещенным рукам.

– Я знаю, чего ты хочешь, – говорит она, в упор глядя на Гая. – Но спешу сообщить, что не собираюсь ввязываться в эти жестокие игры. Я – обладательница серебряной карты. Не хочу подводить своего босса такой ерундовой проблемой. Скажите спасибо, что я ещё не выдала ему ваш адрес, хотя по обстоятельствам обязана это сделать.

– Ты всегда мне помогала, – произносит Гай. – Ты всегда была рядом. Мы росли вместе, многое вместе прошли. И можешь убеждать меня в обратном, но я не поверю, что сейчас ты способна от меня отвернуться.

Мне вдруг становится интересна реакция Хизер. Она сжимает губы в тонкую линию, хмурится, злится, приходит в раздражение... Она выглядит так, будто готова кого-то убить и вместе с тем спасти кому-нибудь жизнь.

– Если вдруг что-то пойдёт не так, отец тебя не тронет, – продолжает парень. – И ты это знаешь.

– Думаешь, я боюсь смерти от руки Вистана? – хохочет вдруг Хизер. – Нет, ни за что. Я просто дико не люблю подводить людей.

– Я заплачу тебе, сколько захочешь.

– Мне не нужны деньги, Гай. Видать, не так-то хорошо ты меня знаешь.

Она вдруг бросает на меня насмехающийся взгляд и говорит парню:

– Пусть девчонка отсюда уйдёт. Мне не хочется говорить о внутренних делах нашей организации в компании жертвы.

Собираюсь выдать что-нибудь в ответ, что-нибудь колкое и грубое, но мою руку уже кто-то хватает, а потом и тянет к лестнице на второй этаж. Оказавшись в коридоре, Нейт с улыбкой сообщает:

– Не раскрывай своего чудесного ротика рядом с Хизер. Она от тебя и живого места не оставит. Пусть они поболтают и договорятся сами.

Я поднимаю бровь:

– Что она мне сможет сделать?

– Не слышала, что ли? Она – обладательница серебряной. А серебряные карты у нас принадлежат кому? Правильно, самым приближенным к Вистану людям. С ней шутки шутить опасно.

И всё же не могу избавиться от любопытства и спрашиваю:

– Как так получилось, что она занимает такой высокий ранг?

– Во-первых, связи, – отвечает мне Нейт, заводя меня в комнату, в которой я уже однажды была – спальня для буду-

щего малыша Лэнса и Софи. — Дело в том, что Хизер — дочка одного из близких друзей Вистана. Она буквально провела детство в поместье Харкнессов, пока предки распивали чай или убивали кого-нибудь на заднем дворе дома. Гай вместе с ней вырос. А во-вторых, Хизер очень хорошо подготовлена, хитра, умна и опасна. Харкнессы даже надеялись поженить их с Гаем в будущем.

Не знаю, какие эмоции и чувства у меня должны были вызывать его слова, но явно не то, что происходит у меня внутри сейчас.

Я сажусь на кровать и упираюсь локтями на свои ноги, положив голову на ладони. Я устала. Мне хочется спать, а не слушать все эти ужасающие истории. Перед глазами всё ещё возникает кровавая сцена на заднем дворе, в голове моментами повторяется тот звук выстрела. Беспощадное отнятие жизни. Гай возомнил себя Богом, способным решать, кто умрёт, а кто нет.

И вдруг я слышу шорох бумаги и поднимаю взгляд. Нейт садится на стул и достаёт из кармана пакетик с белым содержимым. Между пальцев держит свёрнутую в трубочку бумажку.

— Что ты делаешь? — спрашиваю я, смотря на то, как порошок высыпает на ладонь белый порошок. — Что это?

— Сахарная пудра, — улыбается Нейт.

— Я серьёзно, — закатываю глаза я, но в голове у меня тут же возникает догадка. — Подожди... Это что, наркота?

– Не-е-ет. Говорю же, сахарная пудра.

– Ты что, собираешься принять это? Прямо здесь?

– А что, ты думала, что для этого нужно особое место? – насмехается он.

Нейт подносит трубочку к своему носу, собираясь вдохнуть в себя дурь. От подобной картины мне становится не по себе. Ведь многие слышали от родителей истории о вонючих и страшных наркоманах и убивающих наркотиках. Так вот, я слышала вдвое больше от своих.

– Убери эту гадость, – говорю я, морща нос.

Нейт лишь глумливо хохочет в ответ моим словам.

– Слушай, Лина... – Он сжимает ладонь, чтобы во время его диалога со мной порошок не рассыпался. – На меня столько всего навалилось за последнее время, что я вот-вот сойду с ума. Поэтому мне это нужно. Эта штука не вызывает зависимости. Она лишь охрененно расслабляет. После неё чувствуешь себя так, словно заново родился. – Нейт вновь возвращается к своему «волшебному порошку», но вдруг замирает, не успев поднести его к носу, а затем переводит любопытный взгляд на меня. – А может ты тоже попробуешь?

– Я похожа на последнюю наркоманку? – злюсь я его предложению.

– Никакой зависимости, уверяю тебя. Я работаю... – Он исправляется: – Работал в подразделении наркоторговли у Могильных карт. Поверь, я очень хорошо шарю во всей этой теме. Столько товара перепробовал, но не нашёл ничего луч-

ше!

Поверить не могу, но я вдруг задумываюсь. Скольжу взглядом по его небесным честным глазам, по раскрытой ладони и бумажной трубочке.

А потом в голове вспыхивают воспоминания об увиденном, услышанном и прочувствованном, чуть позже – напоминания о том, какая катастрофа приключилась с моей жизнью в последнее время.

Сомнения испаряются вместе с моими попытками здраво мыслить.

Встаю с кровати, подхожу к Нейту и демонстративно протягиваю руку.

– Насыпай, – говорю я таким голосом, словно одержала над ним победу.

Он оживляется и насыпает мне в ладонь немного белого порошка, затем протягивает трубочку. Я с интересом разглядываю его, принимаю, пытаюсь заранее понять, как он должен подействовать.

– Просто подносишь эту штуку к любой ноздре и с силой вдыхаешь в себя, – решает помочь мне Нейт. – Сначала немного щиплется, но потом ты почувствуешь невероятный экстаз!

Представь, что это просто сахарная пудра, насмешливо говорит внутренний голос.

И наконец я делаю в точности так, как велит мне Нейт, испытывая при этом ужасную неуверенность в своих дей-

ствиях. Прикладываю трубочку к правой ноздре, подношу ладонь с порошком к лицу и сильно вдыхаю воздух. «Волшебная пыльца» тут же проникает внутрь, и я морщусь от жжения в носу. Меня тянет на чих, но желание тут же исчезает. Зато кашель пробивается вполне ясно.

– Ну как? – спрашивает парень, поддержав меня за спину, чтобы я не упала. Голубые глаза горят любопытством.

– Отвратительно, – выдыхаю я в ответ, отдавая ему трубочку и смахивая с кожи остатки порошка.

А потом почему-то начинаю считать.

Один, два, три...

Пока совсем ничего не меняется.

Четыре, пять, шесть...

Лёгкие начинают сходить с ума. Дыхание сбивается.

Семь, восемь, девять...

Теперь у меня холодеют ладони, а в мозгу что-то взрывается.

Десять, одиннадцать, двенадцать...

В глазах вдруг заиграли разноцветные блики.

И вдруг я замираю, много моргаю и в изумлении разглядываю своё окружение. Теперь потолок вырисовывает на себе настоящие плывущие облака, появляется солнце – огромное смазанное жёлтое пятно. Я гляжу на свои руки – они окрасились в синий, медленно переливающийся в фиолетовый.

Я словно выпадаю из реальности, попадая в сказку. Голова

затуманивается, наполняется сплошным мехом и какими-то колючими опилками. Голос Нейта доходит до меня не сразу. Он звучит эхом, далёким и глухим. Меня трясут за плечи, но я ничего сейчас не хочу видеть.

– Эй, крошка! – Перед глазами возникает его голубоглазое лицо. – Ты в норме?

Перед носом щёлкают пальцами, а я хмурюсь и пытаюсь оттолкнуть его от себя, однако ноги и руки у меня ватные. У меня не получается пошевелиться, сделать шаг. Я чувствую, что парю в небе, высоко над головами людей.

Мне хорошо, спокойно и весело.

– Вот же блин! – Нейт хватается меня на руки, поднимая с пола. – Пойдём, крошка, пока твой парень тебя не увидел... Он из меня кишки выпустит, чёрт!

– Кишки, – повторяю я, кладя руки на его шею. – Кишки как гирлянды. Ими можно украсить ёлку в новогоднюю ночь. Завтра мы это сделаем. И будем петь громче всех.

Из моих губ вырывается всякий бред, язык заплетается, а вот в глазах всё ещё плывут разноцветные радужные блики и блестящие сверчки. Я чувствую, меня несут по коридору, потом слышу, как пытаются открыть дверь, а затем ругаются от того, что она оказывается запертой.

– Твою ж мать... – нервно выдаёт Нейт. – Прости, Лина. Блин, Гай меня точно прибьёт.

Не понимаю и понимать не хочу. Мне слишком хорошо сейчас, чтобы думать о ком-либо и о чём-либо другом.

Я откидываю голову, волосы падают и касаются пола. Устремляюсь к потолку, хочу взлететь, парить над миром, как прежде, но руки Нейта держат меня при себе.

А потом...

– Оу, Гай! Чувак, ты чего это поднялся? Уже всё обсудили с Хизер?

Краешком глаз вижу высокую, стройную, сексуальную фигуру в чёрном у лестницы. Я готова ползти к нему на коленях и петь псалмы у его ног.

Иисус...

Замираю. В глазах снова сверкают блики, в голове раздаётся звон колокольчиков.

Иисус...

– Что ты делаешь? – проносится голос Гая по коридору. – Что с Каталиной?

– Я в порядке! – хихикаю я. Голос вырывается почти пьяный. Мне не удаётся контролировать собственный тон.

– Чувак, я всё объясню! – спешно бросает Нейт.

Быстрые шаги в мою сторону, потом холодная рука касается моей щеки и шеи. Теперь блики заменились на лесные глаза прекрасного принца. Я гляжу в них как зачарованная. Снова колокольчики...

– Что ты ей дал, Нейт?! – грозно спрашивает Гай. Меня уже кладут на пол. Пальцы парня проверяют мои глаза, он раскрывает мне веки, внимательно вглядываясь в зрачки. – Какого чёрта?!

– Я перепутал пакетики, – сознаётся тот, чьи глаза больше походят на просторное небо, в которое сейчас вливаются радужные краски.

И я снова парю над миром.

Глава 46

Я не управляю собственным телом и разумом. Руки змеями обвивают шею Гая, пока он сидит надо мной, всё ещё лежащей на полу.

– Нейт, я убью тебя, – рывкает он, не спуская с меня глаз. Его ладони просовываются под мою талию и ноги, и он лёгким движением поднимает меня.

Я лежу в его руках, ощущая странный сладковато-горький привкус на языке. В голове заиграла мелодия, в глазах закружились цвета.

Небо на потолке уже становится тёмно-синим, в него вливаются мерцающие звёзды, будто художник потряс над картиной обмакнутой в белую краску кисточкой. Я понимаю, что всё это нереально, но голова прибывает в некоем помешательстве вперемешку с диким экстазом.

– Иди вниз, – говорит Гай. – Хизер даст тебе указания насчёт наших дальнейших действий. А после того, как я уложу Каталину, спущусь вниз и убью тебя.

– Да-да, чувак, конечно, – слышу я весёлый тон Нейта. Его голубые глаза глядят на меня с интересом и смеются над моим положением.

– Катись, – снова вторит Гай.

Тогда блондинчик исчезает из коридора, а вслед за ним

исчезает моя нужда в каких-либо разговорах.

Я крепче хватаюсь за шею парня, ощущая ткань его чёрной водолазки пальцами. Моя голова лежит на его плече, я прижимаюсь ею к его груди. Вкусный и пьянящий запах Гая дурманит разум похлеще наркотика, играющего в моих венах.

– Ах, какие у тебя крепкие руки, – бубню я, совершенно не понимая, как слова, будто отдельные существа, выбираются из моего рта. – Было бы здорово, если бы ты ими ласкал меня как последнюю шлюху.

– Боюсь, когда ты придёшь в себя, тебе это не понравится, – говорит он в ответ со смешком.

– Понравится. – У меня тяжелеют веки, я чувствую, что вот-вот потеряю сознание. Выдаю непонятные слова, которые у меня не получается осознать в полной мере. – Мне всё в тебе нравится. Твои руки, губы, пальцы. Ох, я хочу, чтобы ты меня касался там, где нельзя, и целовал там, где запрещено.

Ответа нет.

В глазах всё размывается, превращается в бесформенные пятна. Я не вижу лица Гая, у меня не получается понять, о чём он сейчас думает и какие эмоции у него вызвали мои бредовые слова. Мне всё ещё хорошо, слабость овладевает телом, в голову проникает дымок, будто превращая мозг в некое подобие кашицы.

Я не сознаю, что говорю и не могу противостоять стран-

НЫМ СЛОВАМ.

Меня укладывают на кровать. Мягкий матрас доброжелательно принимает меня в свои объятия.

– Тебе придётся поспать, – говорит Гай, кладя мою голову на поразительно мягкую подушку, будто сотканную из настоящих облаков. – Поговорим тогда, когда ты придёшь в себя.

– Не уходи. – Я хватаю его за руку, поражаясь тому, сколько сил ещё хранится в моём теле. – Останься. Останься со мной.

Я вижу его размытую фигуру, замирающую надо мной тёмным пятном. А потом зрение фокусируется на лице.

Он улыбается. Вижу, что улыбается.

– Ты ведь ненавидишь меня, – произносит он.

– Я ненавижу тебя настолько, что хочу, – выдаёт мой язык. Мне хочется молчать, но он предаёт меня, высказывая то, чего я не желаю высказывать. – Хочу тебя. И всегда хотела.

– Засыпай, Каталина. Молчи и просто постарайся поспать.

– А ты меня не возьмёшь? – разочарованно шепчу я, едва открывая глаза. Передо мной пляшут разноцветные огни, а потолок превращается в бездонную вечность космоса. – Даже не коснёшься?

– Нет. Я не имею права тебя касаться без твоего разрешения.

Он накрывает меня одеялом.

Мой лоб покрывается потом, волосы липнут к щекам и подушке. Я тяжело дышу, сердце стучится так быстро, что

готово выпрыгнуть наружу через рот.

– Но я тебе разрешаю, – еле выходит у меня из уст.

– Нет, Каталина. Ты сейчас не в себе.

Я распахиваю глаза в ужасе, судорожно убираю волосы с лица и произношу:

– Так жарко. Гай, мне ужасно жарко...

По спине действительно стекают капельки пота. Я хватаюсь за свою кофту, пытаюсь стянуть её с себя, но руки парня перехватывают мои ладони.

– Что ты делаешь? – недовольно бурчу я. – Мне жарко. Я горю. Я вся горю, боже...

– Хорошо, – сдаётся Гай. – Я помогу тебе. Не совершай резких движений, тебе нужно отдыхать.

И тогда я падаю на кровать, почти полностью расслабляя тело. Прикрываю глаза, чувствуя, как пальцы Гая хватают край кофты, касаясь части моего живота, а потом осторожно стягивают её через голову. Он приподнимает мне голову, я слышу очередной звон колокольчиков и вижу резкие вспышки света. А потом в голове мелькают чьи-то мощные челюсти и острые зубы.

– Ты что, хочешь скормить меня им?! – вдруг выкрикиваю я, пытаюсь вскочить с кровати.

Гай хватается меня за локти, держа в прежнем положении, и поворачивает голову в сторону лежащих предметов, которые показались мне злобными страшными существами.

– Это всего лишь подушки, – объясняет он. – Закрывай

глаза и просто спи.

В ответ я мычу, прижав лицо к одеялу, которое появляется поверх тела вновь. Прохладная ткань касается моего голого живота и плеч, натирается о кружевную лифчик, в котором я лежу. Мне больше не жарко.

– Сладких снов, Каталина, – шепчет у моего уха Гай.

* * *

Веки кажутся обработанными свинцом – тяжёлые и холодные.

Я едва раскрываю глаза, пока в комнату пробираются краски из пурпурного, розового и оранжевого, стекая из окна на пол. Рука скользит по обнажённому животу, и я вздрагиваю, в удивлении взглянув себе под одеяло.

Я лежу в одном чёрном кружевном лифчике и совсем не припоминаю, как оказалась без верхней части одежды в этой постели.

Оглядевшись, быстро понимаю, что нахожусь в чьей-то спальне. Вероятно, это комната Лэнса и Софи. У двухместной кровати стоит высокая лампа, на однотонных бежевых стенах висят картины и фотографии в рамках.

А ещё в углу сидит человек.

Я едва не вскрикиваю от неожиданности, прижимая одеяло к груди. Однажды он уже видел мою грудь не такой уж и скрытой, ведь своими руками разорвал на мне бельё. А мо-

жет он видел *всё* в тот вечер.

– Кто меня раздел? – обветренными губами и почти сухим языком спрашиваю я.

– Я, – отвечает Гай так просто, как будто в этом ничего такого нет.

У меня вскипает от злости кровь.

– Кто тебе разрешал меня касаться? – шиплю я сквозь стиснутые зубы.

– Ты сама разрешила. Ничего не помнишь?

Нет, не помню, но вслух этого не произношу. Бросаю взгляд на кофточку, аккуратно сложенную у моих ног. Однако мне придётся потянуться в её сторону, чтобы взять, а в таком случае одеяло не сможет больше прикрывать грудь.

– Не утруждайся, – говорит Гай спокойным тоном. – Я помогу.

Он встаёт со стула, берёт кофту и протягивает её мне. Я резко выхватываю с его рук свою вещь.

– Зачем ты сидел и подглядывал за мной? – Я прочищаю горло и добавляю: – Неужели у тебя нет других дел?

– Я не мог оставить тебя тут одну. Тебя могло вырвать, а тогда пришлось бы помыть тебе лицо и уложить спать снова. Ты ведь никогда раньше с таким состоянием не сталкивалась.

– Меня не растрогают твои лживые слова, даже не пытайся, – зло произношу я. – Что произошло? Почему я... почему я раздела?

– Тебе было жарко. Ты сама захотела раздеться. – Гай раскрывает занавески, и я вижу, что на город уже ложится вечер. – Нейт дал тебе один из своих любимых порошков. Он называет её «пудрой фей».

– Он... – У меня вздрагивает голос. – Наркотики?

– Галлюциноген. Вещь намного легче наркотиков. Только благодаря этому факту этот засранец всё ещё жив.

Я хмурюсь, потирая виски, и пытаюсь вспомнить хоть что-то из того, что делала. Наркотики или галлюциногены... Какая к чёрту разница?

– Что происходило? – спрашиваю я, не желая знать ответа.

Он слабо улыбается, словно вспоминая что-то весёлое. Я становлюсь мрачнее тучи. *О господи, только не это...*

– Ничего такого, – отвечает Гай, протягивая мне стакан с чистой водой. – Просто бубнила что-то себе под нос, но быстро заснула. А сейчас выпей это, и тебе станет лучше.

От воды я не отказываюсь и почти залпом опустошаю врученный стакан. Она стекает приятной прохладной жидкостью по сухому горлу вниз, и я в наслаждении прикрываю глаза.

– Спасибо, – выдыхаю я, кладя стакан на тумбу рядом с кроватью.

– Не за что, моя пленница, – усмехается в ответ Гай. – А теперь надевай кофту и спускайся вниз ужинать. А затем мы поедem кое-куда.

Не дав мне расспросить его детальней о загадочных сло-

вах, он исчезает за дверью, которую не забывает за собой плотно закрыть.

А я всё продолжаю смотреть куда-то вперёд, понимая, что он, вероятно, солгал, и кроме бубнежа я делала ещё что-то. Что-то, что он счёл необходимым утаить.

И думаю, правильно сделал.

* * *

Спускаюсь я на первый этаж очень неуверенно, едва переминаясь с ноги на ногу. Внизу меня ждут трое: Гай, Нейт и Зайд.

Хизер уже нет, хотя я и помню её неуважительный тон и заявление о том, что я типичная жертва и как раз во вкусе Гая. Неужели он и прежде держал девушек силой?

– Давай, шевели попой, крошка, – улыбается Нейт, подбегая ко мне и протягивая руку, словно кавалер, решивший помочь даме изящно спуститься с лестницы.

Однако я на его жест не отвечаю, а лишь грубо произношу:

– Иди к чёрту. После того, что ты сделал, я ни за что больше не коснусь твоей руки.

– Эй, ну не напоминай, а! Твой парень еле оставил меня в живых и почти уже успокоился.

– Не успокоился, – холодно исправляет его Гай. – Ты лишь отсрочил неизбежное.

Нейт цокает, возвращаясь на кухню и хватая вилку. Отсю-

да вижу, что на столе лежит аппетитный ростбиф, с которого в воздух поднимается пар, а с поверхности стекает мясной сок. У меня текут слюнки. Видно, аппетит решил вернуться.

– Откуда вы его взяли? – спрашиваю я, подходя к столу.

– Что, нравится? – ухмыляется Зайд. Потом показывает мне обе свои руки, покрытые разноцветными татуировками. – Приготовил этими ох_енными руками. Они не только пи_дато управляют с кистями, но и ещё неплохо готовят.

– Зайд, – прикрикивает Гай. – Ещё одно подобное слово, и ты вылетишь отсюда.

Я явно свыкаюсь с мыслью о том, что речь Зайда не ограничивается простыми повседневными словами, а постоянно смешивается с самыми грязными выражениями, которые только могут быть мной услышаны. Поэтому внимания на это я уже не обращаю: гораздо удивительней для меня тот факт, что лежащий в большой плоской тарелке, прикрытой стеклянным клошем, ростбиф приготовлен именно им.

Сажусь на стул, готовясь приступить к трапезе.

– Держи. – Нейт открывает крышку, отрезает кусок мяса и кладёт в чистую тарелку передо мной. – Буду тебе служить верой и правдой, пока ты не перестанешь обижаться из-за того, что я натворил. Ведь я каюсь! Искренне каюсь! Почти как согрешивший монах перед Господом Богом.

– Отстань, Нейт, – отмахиваюсь я. – Я больше на тебя не обижаюсь.

У него загораются глаза, и это вызывает у меня неожидан-

ную улыбку.

– Что? Правда?

– Да, – киваю я. – Так что хватит подлизываться.

Он вдруг по-дружески обнимает меня за шею, подойдя сзади, и от неожиданности я чуть не роняю вилку с рук.

– Отлично, – отстраняясь от меня, выговаривает Нейт и садится на своё место. – Я уж думал, придётся ползти на коленях до скончания веков.

Отойдя от изумления, я всё же крепче хватаю столовый прибор, вонзаю его в кусочек мяса и отправляю в рот. Он почти тает во рту. Язык ярко ощущает каждую использованную при готовке специю и пряность. Я прикрываю глаза, не сдержавшись от восхищённого стога.

– Это безумно вкусно, Зайд, – говорю я. – Очень.

– Кто бы сомневался, – отвечает мне он, жуя свою порцию.

И стоило мне лишь повернуть голову обратно вперёд, как вдруг мои глаза встречаются со взглядом Гая, сидящим передо мной. Он к своей еде не притронулся. Более того, тарелки перед ним вовсе нет.

– Ешь и собирайся, – говорит мне он. – Мы поедем прикупить тебе одежду и немного изменим внешне.

Я в удивлении моргаю глазами несколько раз подряд без остановки. Откладываю вилку.

– В каком смысле?

– Ну, Гай, в общем, решил изменить твою оболочку, – поясняет Нейт, как бы обводя мою фигуру пальцем. – Прикра-

свить волосы, нарядить во что-нибудь более... ну не знаю даже... во что-то на тебя непохожее.

– Зачем?

– Очевидно же для того, чтобы тебя было сложно узнать. Так скажем, ты, крошка, должна стать противоположностью той милой и невинной девочки из богатой семьи, которую все знают. Люди Вистана, если они вдруг тебя вынюхивают или собираются вынюхивать, знают тебя только по фотке.

Я откусываю ещё кусочек мяса, тщательно прожёвываю и проглатываю, смиряясь с тем фактом, что впервые за семнадцать лет изменюсь внешне.

Мама всегда говорила, что мои каштановые волосы выглядит безупречно именно в той длине, в какой они есть у меня сейчас – достигающие до середины спины. Испанские корни со стороны мамы никуда не подевались, и волосы у меня чуть волнистые, их никогда не нужно было как-то закручивать или укладывать, так как густота позволяла им красиво «подпрыгивать», пока я шагала, и блестеть на солнце. Я всегда ухаживала за ними. Вероятно, мне придётся теперь расстаться с цветом шоколада, какой имелся у моих волос всю жизнь.

Что же касается одежды, то мне было бы даже здорово попробовать что-то новое. Женщины из нашего рода отдавали предпочтение более нежным оттенкам: бледно-розовый, бежевый, светло-голубой или белый... Фасоны более сдержанные и скромные. Я совсем не против надеть что-нибудь про-

тивоположное.

– Я готова ехать, – говорю я, вытерев салфеткой губы.

Гай сразу же встаёт, встаёт за ним и Зайд, однако он оста-навливает друга, положив руку на его грудь.

– Ты останься тут, – произносит Гай. – Приглядывай за домом. Если вдруг увидишь подозрительных личностей, сразу сообщай мне, понятно?

– О'кей, понял, – кивает Зайд, снова садясь на место. – Буду держать в курсе, но и вы там х_и не пинайте.

Я делаю слишком много громких вдохов, когда понимаю, что вот-вот выберусь на улицу, где царствует свобода. По идее у меня вполне может получиться спрятаться от них, за-терявшись среди толпы в магазине, а потом и попросить у кого-нибудь из прохожих телефон. Позвоню родителям или даже дяде Джозефу. Почему бы не попробовать, если вы-дастся такая возможность?

Гай направляется к двери, подавая мне непонятно откуда-то взявшийся плащ моего размера. Потом вдруг сплетает наши пальцы и выходит из дома, а я за ним.

Может быть, сегодня у меня получится сбежать.

Глава 47

Воздух на улицах Сиэтла кажется мне глотком драгоценной воды после затянувшейся жажды. Ощущения одни и те же.

Я глотаю взглядом высокие здания, движущиеся автомобили, людей и вывески магазинов. Так много народу, что мне ничего не стоит вырвать руку из хватки Гая и побежать сквозь них, куда-нибудь вперёд. Свернуть за угол, затеряться, например, между магазинами одежды.

От подобных мыслей меня пробивает волнение и катится дрожь по всему телу.

Мы поднимаемся по движущемуся эскалатору вверх, на третий этаж крупного торгового центра. По убеждениям Гая здесь не должно быть людей из Могильных карт, хотя я и вижу, что он в своих словах не уверен. Он вечно озирается по сторонам, словно сам является жертвой, которого готовы убить, хотя Лэнс дал мне чётко понять, что Вистан не тронет своего сына. А Нейт добавил, что зато вполне может попытаться.

Мне вдруг становится интересно, получал ли Гай какие-нибудь... наказания от отца. Может ли быть такое, что его когда-то ударяли? Давали ли пощёчину?

Я осматриваюсь. Люди проходят мимо, как издеватель-

ство над моей беспомощностью. Словно напоминание, что они все свободны и вольны делать всё, что им заблагорассудится, в рамках закона, конечно же. А у меня такой возможности нет. Может быть, если я вырву руку и побегу к какой-нибудь женщине или крупному мужчине и попрошу помощи, они вызовут полицию? Однако затем все органы внутри меня неприятно сжимаются, когда за этими опрометчивыми мыслями возникает новый вопрос: *и что тогда*. Вызовут полицию, *и что тогда*? Они не смогут мне помочь. Они находятся под Могильными картами, они, как оказалось, выполняют роли шавок, питомцев, бесхребетных существ, готовые на всё ради крупных денег.

Они мне не помогут.

Я должна помочь себе сама.

Как только мы втроём ступаем на сверкающий пол третьего этажа, преодолев эскалатор, Гай, не дав мне времени на тщательные размышления, вдруг отводит меня в сторону, потянув за руку. И хоть прикосновение сейчас нежное, я всё же ощущаю через него злость. У меня бешено бьётся сердце, когда он наклоняется к уху, произнося:

– И не думай, Каталина. Я знаю, что ты сейчас хочешь сделать. Не пытайся.

Я поднимаю на него взгляд, – наверняка напуганный и удивлённый, – однако язык вопреки моему чувству врёт:

– Не понимаю, о чём ты.

– Не принимай меня за глупца, – отвечает он. – Я читаю

людей насквозь. Особенно таких как ты.

— Таких как я? — У меня внутри вновь загорается этот жгучий гнев. Течёт лавой по венам. — Поясни. Что ты имеешь ввиду, когда говоришь «таких как ты»?

— То и имею ввиду. — Гай поворачивает меня обратно. — А теперь иди ровно и не пытайся звать на помощь.

Я горько усмехаюсь:

— Так ты не отрицаешь того, что являешься противоположным понятием слову «помощь»?

— Нет, не отрицаю. Более того, я всё ещё считаю тебя своей пленницей. Мы ведь так и договорились, Каталина, разве нет?

Я громко фыркаю. Клянусь богом, сейчас я больше всего на свете желаю его ударить!

Он ведёт меня дальше по огромному фойе, украшенному цветами и декоративными растениями и переполненному магазинами обуви и одежды. Мы заходим в один из них и покупаем сразу несколько нарядов: каждый из них отличается от того, что я обычно ношу. Теперь мой новый гардероб это преимущественно чёрный цвет, и Гай приложил руку к выбору. *По своему подобию, думаю я.*

Нейт следует за нами, не отставая, и всё время оглядывается по сторонам. Я даже думаю, Гай потащил его с нами только для того, чтобы друг в случае чего прикрыл нам спины. Он некого рода наш телохранитель, однако вдобавок ещё тащит на своих руках наши покупки.

Моя рука чувствует кожу Гая всю дорогу, он не выпускает меня ни на секунду, и мои шансы сбежать всё уменьшаются и уменьшаются. Разбиваются прямо у меня на глазах. Я в отчаянии.

– Крошка, ты знаешь, сколько стоит твоя эта кофточка? – суя руки в бумажный пакет с эмблемой Диор и вытаскивая край ценника, произносит Нейт. – Пятьсот баксов! Ничего себе, кофточка.

Я его не слушаю. Я всё поворачиваю голову из стороны в сторону, выискивая хоть одно знакомое лицо. Может быть, мне повезёт настолько, что именно сегодня в этот же торговый центр решит заглянуть какой-нибудь мой родственник. И от своих поворачиваний головой и поисков я не сразу понимаю, что Гай уже ведёт меня в салон красоты. Место, которое я меньше всего ожидала увидеть сегодня. Мы проходим через стеклянные двери. Стены внутри украшены золотистыми узорами, на них висят фотографии самых разных красавиц, а у стойки администратора стоят двое высоких блондинок, хихикающих и о чём-то переговаривающихся друг с другом.

– Добрый вечер, – широко улыбается девушка-консультант, тут же практически выбегая к нам на встречу. У неё изящно уложены волосы, лицо сияет от хайлайтера. – Мы очень рады видеть вас в нашем салоне. Могу ли я вам чем-нибудь помочь? Или посоветовать?

Я сглатываю, глядя ей в глаза, и пытаюсь подать хоть ка-

кой-то знак. Однако в глубине души понимаю, что мои попытки не принесут за собой ничего хорошего, если только не ухудшат моё положение.

– Задача такова, – произносит Гай, потянув меня вперёд. – Это – ваша клиентка. Вам нужно сменить ей имидж, покрасить и постричь волосы. Это самое важное. Остальное – на ваше усмотрение. Но запомните: она должна выйти отсюда новым человеком.

Девушка растерянно хлопает глазами, словно не до конца понимая, чего от неё хотят, но так или иначе, на её пухлых губах возникает вежливая улыбка почти до самых ушей, а потом она говорит:

– Хорошо, сэр! Эм... Всё поняла. Ещё какие-то особенные пожелания?

– Меньше болтайте, милая, и приступайте уже к делу, – весело отвечает за Гая Нейт, стоящий у нас за спинами сразу с четырьмя пакетами из магазинов одежды в руках. Всё это – мои новые образы.

– Мы с моим другом должны отойти на время, так что постарайтесь уложиться за час или два.

– Гай наконец отпускает меня, разжимая пальцы. Я практически на свободе. – Но перед тем, как мы уйдём, хочу предупредить.

Девушка поддаётся вперёд, подняв аккуратные выщипанные бровки, готовая слушать его. В ответ он тянет руку к на-

грудному карману своего чёрного пальто и двумя пальцами достаёт карту. Ту самую. Золотую, с витиеватыми узорами и маленькой надписью внизу: *Grave Cards*.

От увиденного у консультантки расширяются глаза, рот беспомощно приоткрывается. Она переводит взгляд то на Гая, то на меня, то снова на Гая.

– Какая честь... – выдыхает она, опуская взор, будто боится глядеть ему в глаза. – Да, я всё поняла, мистер Харкнесс. Ваша *девушка* будет готова уже через полтора часа. Мы вас уверяем!

Поразительно. Она знает его и его семью. Неужели я одна жила в неведении?

– Я ему не девушка, – бросаю я, вызывая на её лице смущение.

– Оу, я....

– Просто справьтесь со своей задачей как можно быстрее, – всё тем же спокойным тоном, игнорируя мои пререкания, произносит Гай. Его стойкости можно было бы позавидовать. – Я вернусь через пару часов. – А потом разворачивается: – Нейт, за мной.

Волнение снова овладевает моим сердцем, оно трепещет от ожидания. *Ожидания чего?* – спрашиваю я саму себя. – *Того, что он снова вернётся и схватит тебя как охотник убегающего зверька? Тогда ты не самая умная.*

Я отрицательно качаю головой, выбрасывая неутешительные мысли. Попробовать всё же стоит. Вряд ли будет хуже,

чем есть сейчас.

– Хорошо, мистер Харкнесс, – улыбается девушка в сотый раз. – Мы всё проконтролируем.

И тогда Гай бросает на меня предостерегающий взгляд в последний раз: в зелёных глазах ясно виднеется просьба. Вероятно, он просит меня не совершать глупостей. Я отворачиваюсь, стремясь глядеть на всё, что угодно, но только не на него, иначе в мозгу снова начнут расти сомнения в собственных решениях.

Вместе с Нейтом они выходят из салона, и хотя мне интересно, куда они направляются, я всеми силами стараюсь себя отвлечь.

– Прошу за мной, мисс.

Девушка, представившись мне Ванессой, ведёт меня в следующий просторный зал, обставленный креслами. Они выстроены в ряд, почти как солдаты, перед многочисленными столиками с большими зеркалами и самыми разными приборами. В воздухе пахнет лаком для волос и приятными цветочными духами. Голоса летят в мою сторону, посетительницы заканчивают со своими процедурами и уходят, пока приходят новые.

– Присаживайтесь, – просит Ванесса. Клянусь, она смотрит на меня как на свою госпожу, перед которой готова преклоняться. Слова её будто подбираются максимально осторожно... Как же искусно Гай внушает страх одной лишь своей картой и родословной.

Ванесса прикидывает миловидной девушке, дезинфицировавшей ножницы перед столом для парикмахеров, принять новую клиентку, а сама исчезает, пожелав мне удачи в подборе имиджа и шепнув девушке, как она, наверное, думала, неслышно для меня, нечто вроде: «Это девушка Гая Харкнесса, так что будь по максимуму услужлива».

– Привет! Я Джо, – дружелюбно приветствует меня подошедшая парикмахерша. – Что мы сегодня будем менять?

Я сажусь на кресло, разглядываю своё отражение в зеркале и даже немного радуюсь тому, что Гай позволил мне самой выбирать цвет будущих волос и их длину. Он совершенно не уточнял, *что* именно хочет видеть. Было озвучено лишь одно предложение: «*она должна выйти отсюда новым человеком*».

– Поменяйте длину на более короткую и окрасьте мои волосы в чёрный, – наконец говорю я, касаясь своих каштановых локонов. – Я имею ввиду, в *совершенно чёрный*.

В такой же цвет, какой является душа Гая Харкнесса, которого вы все здесь старательно боготворите, хочется добавить мне, но я лишь усмехаюсь своим мыслям.

– Замечательный выбор! Вам очень пойдёт чёрный. Глаза покажутся на фоне ещё выразительней.

Может, она права, но мне уже всё равно, красива ли я буду или новый цвет волос испортит мои черты лица.

Джо накидывает на мою шею и плечи пеньюар с розовыми лепесточками, напомнившие мне сакуру, а потом подвигает

кресло на колёсиках ближе к столику. Хватает расчёску, достагивается до моих волос, подбирает в голове идеи.

А я стараюсь запомнить в глазах глядящей на меня девушки ту самую Каталину Норвуд, которая любила спать до обеда, своего папу, тишину и слепо доверяла всем подряд. Ведь вот-вот объявится новая. И пока я не знаю, буду ли ей рада.

* * *

Колдовство над моими волосами было окончено ровно через час и сорок минут.

Пряди, ловко отстриженные ножницами, всё это время бесшумно падали на пол, а затем голова покрылась краской, которую Джо наносила на волосы осторожно, заставив меня откинуться назад над раковиной. Я преображалась, становилась другой, совершенной другой.

И хоть до самого конца мне не видны были изменения, ведь глазам пока не было доступа к зеркалу, я знала, что сильно меняюсь. Чувствовала собственной кожей, дыханием и душой. Перемены уже приходились мне по вкусу.

– Думаю, готово. – Джо улыбается, и между двух передних зубов у неё небольшая милая щель. – Ох, точно готово!

Момент истины наступает тогда, когда она резко поворачивает моё кресло к зеркалу. К огромному отражению меня самой... Вернее, кого-то другого, но просто каким-то образом оказавшегося под моей кожей.

Каталина Норвуд теперь не та девочка, которой всегда была с самого рождения. Многие признают тот факт, что причёска способна сильно изменить человека. Так вот, Каталину она изменила почти до неузнаваемости.

Я наклоняюсь ближе к зеркалу и провожу рукой по гладким чёрным волосам, в которых переливается свет. Я касаюсь чёлки, впервые за всю мою жизнь возникшей у меня на лбу и прикрывающей брови, щупаю кончики волос, достигающие теперь мне выше плеч. Я больше не вижу в глядящей на меня девушке прежнюю себя. Почему-то вижу кого-то другого.

Я очень красива. И эта красота уже другая, не такая, как раньше. Меня легко можно было принять за любительницу гонять на тачках на уличных гонках. Что-то дерзкое и уверенное.

– Вы выглядите превосходно, – нащёптывает мне Джо. – Я постаралась изменить форму волос. У вас они были волнистые, а теперь будут прямее.

– Мне нравится, – улыбаюсь я, хотя происходящие события в моей жизни к улыбке вовсе не располагают. – Правда, нравится.

Мне кажется, она вздыхает от облегчения. Потом почему-то вдруг начинает оглядываться по сторонам, будто хочет убедиться, что на нас никто не смотрит.

– Можно задать личный вопрос? – шепчет она.

Нахмурившись, я киваю.

– Каково быть девушкой Гая Харкнесса?

От отвращения к её словам я встаю с кресла. В её глазах вдруг вспыхивает немой ужас, когда она понимает, что сделала что-то не так. Но не желая доставлять бедняге проблем, я просто отвечаю:

– Я ему не девушка. Он держит меня против моей воли. Джо нахмуривается.

– Из-за собственной же ошибки, – добавляю я, одновременно осознавая, что она ни черта из сказанного мной не поймёт. – Из-за идиотской истории своей семьи!

– Тише... Пожалуйста, не нужно называть его семью... идиотской. Если он услышит...

– То что?! – У меня в глазах накапливаются слёзы. – Хуже уже не будет. От отнял у меня семью, отнял привычную жизнь. Я должна сейчас нежиться на пляже в Греции, а не сидеть здесь и менять свою же внешность ради того, чтобы меня не прикончил его папаша!

Джо в полном ужасе и оцепенении. Но я догадываюсь, что вовсе не из-за того, что я выдаю такую тёмную информацию, а из-за того, что смею открывать рот в неуважении к Вистану Харкнессу. А таким тоном я высказываю крайнее неуважение.

Потом я оборачиваюсь. Гай говорил, что вернётся либо через час, либо через два. У двери его всё ещё нет. У меня сердце подпрыгивает вверх. Резко развернувшись обратно, я крепко хватаюсь за руки Джо и сжимаю их, наверняка вы-

глядя со стороны как безумная, пока пытаюсь тихо сказать:
– Пожалуйста... Когда он вернётся, скажи, что не видела, в какую сторону я ушла. Скажи, что я просто исчезла совершенно внезапно. Прошу тебя, не выдавай меня.

Не дав ей ответить, я уже направляюсь быстрым шагом к выходу. Никто меня не окликает, никто не зовёт и никто не останавливает.

Мне удаётся преодолеть первый зал: тот, где совершаются преображения и стригутся волосы, а затем и второй: тот, где сидят клиенты и ждут своей очереди за чтением глянцевого журналов, которые давно уже вышли из моды. Ноги несут меня всё дальше и дальше. Я не думаю, что буду делать, если у меня получится убежать. Я просто иду. Позволяю телу нести меня вперёд к неопределённой цели. Может быть, её даже не существует.

Но вдруг...

– Погодите, – улыбается мне высокий мужчина, одетый в строгий костюм. Его чёрные волосы вылизаны волосок к волоску, а вот крепкая рука, как оказалось, сжимает мне локоть. – Можно вас на пару слов?

На этот раз моё сердце решает переместиться к самому горлу, а потом долго и отчаянно стучит прямо там.

Я растерянно перевожу взгляд на свой локоть, стиснутый его ладонью, и он вдруг убирает руку, будто бы моё замечание как-то его задело.

– Извините, мисс, – всё ещё улыбается он. – Привычка

хватать всё, что попадётся под руку, никогда меня не красила, но увы, приходится с этим жить.

Потом гогочет над собственной шуткой. На шее у него висит золотая цепочка, а уши проколоты маленькими серьгами. Кожа почти повторяет цвет бронзы, а зубы белые настолько, что способны ослепить.

Я не на шутку напряжена. Я чувствую, как шанс сбежать незамеченной ускользает прямо из-под моих пальцев. Мне хочется кричать от отчаяния.

– Можно узнать ваше имя? – спрашивает мужчина.

И тут-то, сопровождаясь диким недоумением, я и замечаю...

Из его нагрудного кармашка выглядывает серебряная карта.

Глава 48

У меня пересыхает во рту. Настолько сильно, что попытки ответить хоть что-нибудь были бы равносильны тому, что младенец, только вышедший из утробы матери, пытается сказать свои первые слова.

– Я...

Вот и пришёл мой конец, проносится в голове, но мысли вихрем улетают, когда руки и ноги немеют от ужаса, отказываясь подчиняться командам, поступающим из мозга.

Бежать, бежать, бежать. Просто нужно бежать.

Но тело не слушается своего хозяина.

В мгновение меня резко разворачивают спиной к себе, и я чувствую, как в спину упирается острый кончик ножа. Я едва не задыхаюсь от ужаса.

– Будь хорошей леди и не делай резких движений, – шепчет мужчина мне в ухо. – Я не хочу искромсать твоё тело до того, как отправлю тебя Вистану.

– Я не понимаю, о чём вы говорите, – беспомощно выдаю я, всё ещё сохраняя в себе надежды на счастливый исход.

– Всё ты прекрасно понимаешь. Какое счастливое совпадение было увидеть, как тебя таскает за собой Кровавый принц. Именно в тот день, когда я решаю заглянуть сюда по делам. Правда, здорово? Видать, сам Господь Бог подал мне

эту затею.

Вряд ли такие люди, как он, да и все те, кто работает на Харкнессов, верят в Бога. Какая вера может быть в чёрных до основания сердцах? Грязные и лживые подонки.

Я боюсь пошевелиться. Ведь любое резкое движение может кончиться тем, что меня проткнут насквозь ножом, и я истеку кровью посреди этого торгового центра. Люди не помогут, как не поможет и полиция. Я буду обречена.

– Давай шагай спокойно. К твоему счастью, ты нужна Вистану живой, так что я тебя не трону. Просто иди туда, куда я тебя буду вести.

Ещё один командный тон.

У меня закипает кровь. Страх и злость смешались воедино, создавая необыкновенное, почти взрывное сочетание.

Но тем не менее, я чувствую, как меня подталкивают вперёд, и мне приходится покорно идти – спокойной и ровной походкой, словно ничего не происходит. Не знаю даже, что хуже – то, что меня вот-вот отвезут к Вистану, который, видно, убьёт меня лично, или то, что Гай будет в гневе, обнаружив моё исчезновение и решив, что я всё-таки сбежала. Но мне почему-то не верится, что всё так просто.

Пальцы мужчины касаются моей головы, и он сжимает ладонью волосы, больно стягивая назад.

– Жаль, что смена облика тебя не спасла, – насмешливо произносит он, дыша мне в шею и всё так же толкая вперёд. – К счастью, я увидел тебя раньше. До того, как вы зашли в

тот салон.

– Может, вы перестанете болтать и просто будете делать свою работу? – язвлю ему я. – Мне абсолютно насрать на всё, что вы пытаетесь внушить.

Он сказал, что я нужна Вистану живой, а значит пока мне ничего не грозит. Так почему бы не попользоваться случаем и унижить этого урода?

– Мне о тебе другое говорили. – Он продолжает держать меня за волосы незаметно для остальных, тыча кончиком лезвия в спину второй рукой. Мы становимся на первую ступеньку эскалатора и медленно спускаемся вниз. – Говорили, что Каталина Норвуд очень воспитана и совершенно безобидна. Невинное создание, не знающее таких словечек. Удивлён твоей дерзости, девочка.

Я не отвечаю, в голове перебирая варианты. Мозг просит меня просто послушно следовать вперёд, не пытаться совершать никаких попыток сбежать, ведь вряд ли мне удастся. *Серебряная карта.* Этот мужчина один из самых приближённых к Вистану людей, а значит силён и отлично подготовлен. И смертельно опасен.

Едва мы спускаемся с эскалатора на пол, минуем фойе и уже движемся к стеклянным крутящимся дверям, образующим выход, как я вдруг вижу мелькнувшего среди толпы входящих и уходящих людей Нейта. Голубые глаза бросаются в мою сторону, а голова со светлыми волосами кивает как бы в просьбе не делать резких движений. А потом... Потом

мужчина за моей спиной вдруг замирает, замираю и я. И раздаётся голос:

– Только попробуй шевельнуть хоть пальцем. Я размажу твои мозги по стене.

Крики, вздохи, ахи. Они заполняют фойе за считанные секунды. Люди разбегаются в стороны, а я не понимаю, что происходит.

– Бросай нож. И убери свои грязные руки с её волос, пока я не оторвал их.

– Кровавый принц, какая встреча. – Я слышу, как говоря это, мужчина улыбается в насмешке. – Надеялся, что не застану тебя сегодня.

– Заткнись и делай, как было велено.

В фойе гигантского торгового центра воцарился хаос. Паникой пропитывается воздух. Я ощущаю, как ужасом наэлектризованы тела, пробегающие мимо. У женщин и мужчин распахнуты глаза, некоторые из них хватают своих детей и убегают с ними прочь.

Перед глазами вдруг возникает Нейт.

Меня отпускают. Я поддаюсь вперёд, разворачиваясь, пока Нейт осторожно придерживает меня за плечи.

– В норме, крошка? – улыбается он.

Но я ему не отвечаю. Вместо этого я гляжу на искажённое в неожиданности лицо мужчины, а затем перевожу взгляд к пистолету, приставленному к его голове Гаем, стоящим за его спиной. Вот откуда эта паника вокруг. А охране всё рав-

но. Видно, все в курсе, что происходящее – ничего более чем разборка членов Могильных карт.

Нейт вдруг отводит меня в сторону, пытаюсь прикрыть мне уши обеими ладонями. Однако я успеваю услышать:

– И что будешь делать теперь, глупый мальчишка? – ухмыляется мужчина. – Неужели ты собираешься убить одного из серебр...

А потом выстрел.

Резкий, громкий, при этом расчётливый и уверенный. На пол брызжет кровь вперемешку с мозгами, превратившимися в кашу. Тело мужчины глухо падает, по луже красного цвета скользит выпавшая из нагрудного кармана серебряная карта.

Вот и всё. Ещё одно холодное убийство, учинённое Гаем, свидетелем которого в очередной раз я стала. А кроме меня ещё сотни прохожих людей. Крики теперь невыносимы, но в ушах у меня тут же встаёт шум, заглушающий любые посторонние звуки.

Я в немом ужасе. Шок всасывается мне в кровь, становится одним целым с моим хрупким и готовым разорваться телом. Я стою и не могу пошевелиться, уставившись на труп, в голове которого зияет дыра. Я могу поклясться, что у ног Гая валяются мелкие фрагменты черепа.

О боже...

Он убил одного из самых приближённых к отцу людей. Убил на глазах у всего торцового центра, наплевав на послед-

ствия с обеих сторон.

Гай Харкнесс не просто хладнокровен и опасен. Он не имеет страха. Совсем.

* * *

Я со стороны наблюдаю за тем, как тело убитого грузят в машину Зайда, подъехавшего после первого же звонка.

На улице уже вечер, холод накрывает меня с ног до головы. И Гай, заметив, как я поёжилась, пытаюсь обнять себя за плечи, обходит машину и накидывает на меня снятое с себя чёрное пальто. Оно тёплое от его тела и греет меня в считанные секунды. Я снова поражаюсь тому, как руки, заляпанные кровью до самых локтей, могут быть такими заботливыми.

– Ну ох_еть! – вскидывает руками Зайд, закрывая багажник. – Ты хоть представляешь, что за х_йню ты только что учинил?

– Не было другого выхода, – холодно отвечает Гай.

– Но ты убил одного из серебряных, – напоминает Нейт, словно в этом есть нужда. – Убил Юстаса, мать его, Крейга.

Никто из них не говорит о том, что убийство произошло на глазах у сотен людей. Их это не волнует.

Я всё ещё в оцепенении. Кровавые картинки мелькают перед глазами через вспышки света.

– Я повторяю: не было другого выхода, – отвечает Гай сердито. – И вы оба это знаете. А теперь избавьтесь от тела. Нуж-

но ехать в «Angels Night».

Он хватает меня за руку прежде, чем я успеваю что-нибудь произнести. Затем ведёт к своей машине. Я дрожу от ужаса, хотя не сразу замечаю это.

– Тебе холодно? – спрашивает он, когда мы садимся в автомобиль. Гай пристёгивает меня ремнями безопасности, плотнее прикрывает на мне пальто и включает обогреватель кресел.

– Нет, – выдаю я. Голос дрожит вместе с телом. – Я боюсь.

– Уверяю, никто больше не...

– Я боюсь *тебя*.

Он отстраняется от меня как от яркого пламени. Или как от лезвий, полетевших ему в лицо. Взгляд такой напуганный, что я сперва не узнаю в чертах лица того самого Гая, который всегда в себе уверен. Который всегда готов убить любого, кто вдруг перейдёт ему дорогу. Который только что убил человека посреди огромного торгового центра, на глазах у мужчин, женщин, детей и стариков.

– Я – последний человек, которого ты должна бояться, Каталина.

– И вопреки этому я тебя боюсь, – повторяю я сухими губами. – Я не знаю, чего от тебя ожидать в следующую секунду. А если вдруг ты убьёшь... и меня?

Я вижу, как меняются его глаза. Как нахмуренные брови теперь гнутся в злости, а губы сжимаются в линию. Он откидывается на спинку кресла и вздыхает, начиная:

– Как ты думаешь, было ли страшно ребёнку однажды выйти во двор дома и обнаружить бездыханное обугленное тело собственной матери? Боялся ли он?

Я не успеваю ответить, как он резко поворачивается ко мне, горя от гнева, поддаётся чуть вперёд, повышает голос:

– Отвечай мне, Каталина! Было ли этому ребёнку страшно? И мог ли он обернуть время вспять и не допустить ничего подобного?

У меня в глазах накапливаются слёзы. Губы дрожат. Я опускаю взор на свои руки, на пальцы, которые размываются и стекают бледными цветами.

– Так вот, то событие уже позади, а этот ребёнок учился одному все эти годы – убивать. Теперь он один из лучших в этом деле. – Его пальцы хватают меня за лицо и поднимают вверх, чтобы Гай мог смотреть точно мне в глаза. – Я убиваю искусно, много и долго, Каталина. Я пролил столько крови, видел столько страданий, что тебе не может присниться и в самом страшном сне... Однако сейчас я здесь, и ты здесь рядом *с этим убийцей*. Потому что то, что ты сделала со мной, толкает меня на самые безумные и отчаянные поступки. Я предал мать, предал отца, семью, честь и целые поколения. Теперь мне нет места в этом мире, теперь я – беглец, как и ты. И хочешь ты того или нет, мы одно целое.

Он разжимает пальцы, освобождая моё лицо, и я ощущаю, как слёзы стекают по щекам. Гай отворачивается, стискивает зубы настолько сильно, что я отчётливо вижу линию его

острой челюсти.

– Твой отец отнял у меня самое дорогое, – говорит он. Голос теперь стих. – А я не смог отнять у него что-то взамен. Не смог отнять у него тебя. Оказался не таким уж и сильным, каким себя считал. Каким считал меня отец.

Я отрицательно качаю головой:

– Хватит, Гай. Пожалуйста...

– Что хватит? – Он блеснул глазами в мою сторону. – Тебе не нравится правда? Не нравится слышать правду о папаше? Об отнятой жизни?

– Замолчи, прошу тебя... – У меня хрипит голос. Я закрываю уши обеими руками, я готова рвать на себе волосы, чтобы ничего не слышать.

Гай тянет ко мне свою руку, снова берёт за подбородок, на этот раз сжимая его сильнее.

– Я не хочу, чтобы ты уходила. – Он отчеканивает каждое слово. – Ты будешь со мной. Рядом. Всегда. Пока живу я, ты будешь рядом. Пытайся сколько хочешь, но тебе не сбежать. Теперь единственный смысл моего существования – оберегать твою возможность дышать.

И больше я не говорю ни слова: ни ему, ни себе.

* * *

Мы паркуемся возле стриптиз-клуба под названием «Angels Night».

Ещё по дороге мне велели переодеться в чёрное короткое платье, чтобы выглядеть девушкой, посещающей клубы и не противящейся вечеринкам и весёлым времяпрепровождениям. Я так и сделала, совершенно не задавая никаких вопросов.

Теперь мы выходим из машины.

– Самое приятное местечко, полное обворожительных кисок, – усмехается Зайд, попивая пиво из сотой, наверное, банки, и захлопывая дверь своей машины.

Я подозреваю, что труп всё ещё лежит в его багажнике.

За ним следом выходит и Нейт. В руках у него телефон, а сам он говорит по нему с Моникой. Я слышу лишь обрывистые:

– Да, моя апельсинка... Ладно... Хорошо, я не забуду купить тебе прокладок... Да, помню: чем больше капель, тем лучше.

Гай откидывает мои волосы назад, заправляет пряди за уши и просто смотрит, стоя передо мной – высокий, весь в чёрном, с зелёными глазами, словно светящимися в темноте. И красивый. Красивый убийца с ещё не засохшей кровью на руках.

– Держись поближе ко мне, – говорит он. – И хоть я знаю, что ты проигнорируешь меня, всё же предупреждаю.

– Зачем мы сюда приехали? – спрашиваю я.

Мы уже пересекаем трассу, двигаясь к двойным дверям,

украшенным светодиодной лентой.

– Понимаешь ли, пару десятилетий назад в Сиэтле орудовала одна итальянская мафия, – начинает Нейт. – Они орудуют и сейчас, в принципе. Название хрен выговоришь, поэтому просто буду звать их Спагетти, о'кей? Так вот, в те времена они узнали о существовании Могильных карт, неожиданно заявивших свои права и к тому же начавших прибирать к рукам местных легавых. Состояние тех Харкнессов, – а тогда это был дед Гая, – исчислялось миллиардами долларов, в прочем, как и сейчас, но тогда это были невероятные бабки. Ссориться с ними никому не хотелось, в том числе и Спагетти, так что они решили просто заключить договор. Таким образом, часть Сиэтла забрали себе Могильные карты, а вторую часть – Спагетти.

– И теперь им обоим х_йца в рот положат, если кто-то из них вдруг решит проводить свои тёмные делишки на территории другого, – добавляет Зайд. – Короче говоря, пи_да Могильным картам, если они сунутся сюда. Ну, по крайней мере, будет война и много-много трупов.

Гай толкает его в сторону, приложив немало усилий. В его движении чувствуется раздражение.

– Этот клуб, один из многих подобных, принадлежит их боссу, – говорит мне он. – Мой отец чтит правила криминального мира почти также свято, как священник чтит Библию. Так что это место – одно из самых безопасных в Сиэтле для тебя. По крайней мере, до тех пор, пока я не придумаю

способ вывести тебя отсюда. Может, даже из страны.

У меня округляются глаза:

– Что? Хочешь вывезти меня из страны?

– Не исключаю подобного варианта.

Нейт с Зайдом уже подходят к вышибале, стоящему возле входа в клуб. По стенам ползёт и лезет наружу электронная музыка, цвета смешиваются в блики. Нейт передаёт вышибале крупную пачку денег. Мужчина озирается по сторонам, прежде чем взять их, затем кивает, убирая ограждающую ленту, и мы оказываемся в длинном сверкающем коридоре, переливающимся самыми разными цветами.

– Кстати, пожалуйста, никак не выдавай своего происхождения, – шепчет мне Нейт. – Ну, типа будь какой-нибудь крошкой, решившей развлечься, а не дочкой Норвуда, которую хотят прикончить Харкнессы. А то нам конец. Мы по сути со своими, как сказал Зайд, тёмными делишками припёрлись сюда. Вполне справедливо будет, если нас грохнут вдруг.

Я просто киваю его словам, выходя в разноцветный затемнённый зал. Потолок оснащён множеством маленьких мигающих лампочек, которые повторяют очертания настоящих звёзд, на стенах – выпуклые узоры из кусочков бриллиантов или чего-то, что очень на них похоже. Хотя, если вспомнить о том, что клуб принадлежит главе какой-то итальянской мафии, сомнения в подлинности камней отходят далеко назад.

Мы движемся вперёд, минуем бордовые бархатные крес-

ла, на которых сидят влиятельные мужчины, пока перед ними танцуют полуобнажённые девушки с полными губами и накрашенными яркими глазами. Все они напоминают мне каких-то хищниц, настоящих пантер и тигриц.

У меня внутри поселяется странное, сроду неизвестное мне чувство. Это и отвращение, и искреннее любопытство. Мне впервые доводится видеть этот мир изнутри, мир похоти и разврата, где правят большие деньги и поганые извращенцы. До этого дня я жила в мире, где деньгами решаются бизнесы и оплачиваются благотворительные вечера. Где деньгами покупаются места на роскошные круизные путешествия, затем оплата дорогой виллы, где ты проводишь время с семьёй. Эта мрачная сторона богатых людей была скрыта для меня под завесой. Кто знает, может быть, папа тоже часто показывался в подобных заведениях когда-то.

– Я снял вип-комнату, – говорит Зайд Гаю. – Сказал, что мы якобы будем тестировать новую киску.

– Заткнись, – цедит Гай в ответ. – Прекращай распускать грязные слова. Я не шучу, Зайд.

Тот лишь усмехается в ответ, а потом спешит проводить нас сквозь поднявшийся дым, пахнувший чем-то сладковатым и горьким одновременно. Пелена заполняет собой весь зал. Я вижу размытые фигуры и ползающие по стенам тени. В воздухе витает аромат вишни и дорогого парфюма. Мы проходим дальше, идём до тех пор, пока вдруг не оказываемся в тоненьком коридорчике с несколькими дверьми, на

которых висят таблички с номерами и нарисованные снизу фигуры обнажённых девушек. Гай открывает дверь при помощи ключа, который передаёт ему в руку Зайд.

Это небольшая комнатка с одним лишь бархатным диваном, зеркальным столиком и сверкающим железным шестом возле них. Вероятно, здесь стриптизёрши принимают особенно богатых клиентов, решивших поглазеть на девушек отдельно от остальных. А может и не только поглазеть...

Я морщу нос от отвращения, глядя на диван и совершенно не собираюсь его как-либо касаться. На мои плечи всё ещё накинута пальто Гая, и я, сняв его, передаю обратно хозяину.

– Только не говорите мне, что здесь я буду оставаться продолжительное время, – произношу я, скорее в пустоту, чем парням.

Нейт хихикает у меня за спиной:

– Ладно, не будем.

Я стону от отчаяния и раздражения.

– Я не собираюсь здесь оставаться! Не в этой комнате.

– А что, собственно, не так? – недоумевающе спрашивает всё тот же Нейт, но в голосе ясно звучат нотки насмешки.

Зло покосившись в его сторону, я выкрикиваю:

– А то, что я не буду сидеть на диване, на котором кто-то трахался!

Зайд, до этого, как оказалось, отпивавший пиво из бутылки, которую прихватил откуда-то из зала, поперхнулся после услышанного. Пиво едва не вылетает у него из носа. У Нейта

глаза превращаются в два огромных арбуза.

– Это всё твоё дебильное влияние, придурок! – хмурится он, тыча в кашляющего Зайда локтем. – Смотри, каким словам ты её научил! Доволен?

Я поворачиваю голову в сторону Гая. Поверить не могу собственным глазам, но он... улыбается, опустив голову. Такое лицо обычно бывает, когда еле-еле сдерживаешься от смеха. На щеке у него показывается ямочка. Она каждый раз напоминает мне о том, что Гай может быть милым, если захочет. А хочет он этого очень-очень-очень редко. Так что увиденное заставляет меня обомлеть.

– Каталина, не нужно выражаться, – говорит он, посмотрев на меня. По-прежнему улыбается. *И почему у меня сердце от этого так и тает?*

– А ты мне папой стал, чтобы запрещать? – спрашиваю я.

– А чем он тебе не *папочка*? – усмехается Зайд.

Я краснею до корней волос. И снова вспоминаю свой сон, в котором его пальцы касались меня там, где я бы хотела ощутить это снова. Потом краснею от мыслей ещё сильнее.

– Решать проблему будете? – спрашиваю я. – Я по-прежнему не согласна сидеть на этом диване. Буду сидеть на полу.

– Хочешь простудить свою чудную попу? – хихикает Нейт. – Не советую.

– Могу принести плед, – говорит Зайд. – У меня там завалялся в машине. Если повезёт, он сейчас в салоне, а не в багажнике под трупом. – Ухмыльнувшись, он добавляет: – А

ещё надеюсь, что с прошлого секса я отмыл его от спермы, но это не точно.

– Фу, замолчи! – кричу я, отходя от него к стене.

Здесь нет окон, одна лишь дверь, поэтому единственным освещением служит лампа на потолке и светодиодные ленты, светящие розовым и пурпурным.

– Никто не занимался здесь сексом, Каталина, – произносит Гай. Ух, то, как это «запретное» слово звучит из его уст... У меня задерживается дыхание. – Это не бордель, а стрип-клуб. Здесь девушки танцуют перед мужчинами, а не спят с ними. А тебе здесь спать придётся. Хотя бы сегодня.

– Спать? Предлагаешь мне спать в этой комнатке, пока снаружи грохочет музыка?

– Других вариантов пока нет.

От безысходности я сползаю по стене вниз и хватаюсь за голову. Сейчас я далеко от дома, нахожусь в компании трёх парней-мафиози, в вип-комнате стрип-клуба, одетая в чёрное короткое платье, едва прикрывающее мне задницу... Расскажи кто-то всё это мне месяц назад, я бы ни за что не поверила, что подобное в принципе может со мной случиться.

Гай вздыхает и подходит к друзьям, доставая своё портмоне. Он вытаскивает пару купюр и вручает Нейту:

– Оба езжайте в магазин и купите постельный набор. Абсолютно любой. Валите прямо сейчас.

– Тут хватит и на вкусняшки, – улыбается Нейт по-детски,

шурша долларами.

– Катитесь уже, пока я не приказал вам прикупить ещё и чистящие средства и отмывать диван собственноручно.

Двое из троих парней тут же освобождают комнату, исчезая за дверью. Теперь мы с Гаем здесь одни.

Снаружи слышатся вопли, весёлые вскрики мужчин, вос-
торгающихся красивыми женскими телами, и музыка. Кажется, одна из песен *The Weeknd*, как раз такая, какая должна играть в клубах.

Я всё ещё сижу на полу, прижимая ноги к груди и обнимая их обеими руками.

– Не сиди на полу, – просит Гай.

А сам садится на диван, разведя ноги.

– Когда я получу доказательства того, что диван чист, тогда и сяду туда, а пока как-нибудь проживу и здесь, – бурчу я.

Его ладонь хлопает по его ноге. Гай с едва заметной усмешкой произносит:

– Можешь сесть мне на колени.

Наверное, когда в его голову пришла идея это сказать, он не думал, что я и в самом деле поднимусь и как ни в чём не бывало приму его жест «доброй воли». Я действительно сажусь ему на колени.

– Думал, откажешься, – говорит он, улыбнувшись.

Я просто хочу поиграть с вами, мистер Харкнесс, произношу я у себя в голове. Усыпить бдительность. Ведь я всё ещё не забыла, что вы делаете с людьми.

– Ну тогда сейчас ты точно охренеешь, – произношу я.
И крепко целую его в губы.

Глава 49

Моя грудь прижата к его груди. Наше дыхание почти синхронно.

Но вот моя рука... она пытается нащупать пистолет у него в штанах. Он даже этого не замечает или делает вид, что не замечает, потому что мне удаётся схватиться за рукоять, а потом и вытащить пистолет из кобуры.

Я отрываюсь от его губ, направляя дуло к его груди и прыгивая с колен. Губы у Гая в моей помаде, слегка опухли от поцелуя, а глаза говорят за него, как он разочарован.

– Нравится? – спрашиваю я. Пистолет тяжёлый, и я думаю, как бы мне его не уронить случайно. – Нравится, когда кто-то направляет на тебя оружие?

– Ты думаешь, никто раньше не направлял на меня оружие? – говорит он, всё так же сидя на своём месте. Его совершенно не пугает перспектива быть застреленным.

– У них были свои причины. А у меня свои. И они у меня гораздо-гораздо серьёзнее.

Гай издаёт смешок. Я выгибаю бровь в вопросе, поражаюсь тому, что он остаётся непоколебим даже тогда, когда понимает, что я никогда не стреляла. В любую секунду от неумения владеть пистолетом, я могу случайно выстрелить в него, даже если этого не захочу.

Он говорит, словно ловко пробираясь мне в голову и читая мысли:

– Ты не выстрелишь в меня.

– Ты так в этом уверен?

Он кивает и встаёт, направляясь ко мне. У меня дрожат руки и пальцы на спусковом крючке, ноги сами по себе шагают назад, уводя меня подальше от него. Сердце бешено стучится. По спине ползёт страх.

– Не подходи! – шиплю я. – Я выстрелю!

– И чего ты этим добьёшься, моя милая Каталина? – На его губах снова появляется мягкая улыбка. Словно сейчас я рассказываю ему милую историю, а не пытаюсь пристрелить.

– Того, что ты исчезнешь из моей жизни.

– А разве ты этого хочешь?

– Да! Больше всего на свете!

Как же бессовестно и много ты врёшь, лгунья, смеётся надо мной мой внутренний голос.

Гай подходит настолько близко, что пистолет уже упирается ему в грудь, прижимаясь дулом к чёрной рубашке. У меня перехватывает дыхание. Он действительно бесстрашен.

– Тогда стреляй, – произносит он.

У меня пересыхает во рту. Я смотрю на него, подняв глаза, почти в ужасе.

– Стреляй в меня до тех пор, пока тебе не станет легче, – добавляет Гай, положив ладони на пистолет и будто сильнее прижимая его к своей груди. – Я готов отдать такую жертву,

чтобы в твоей душе наконец воцарился покой.

Он спятил. Он просто сумасшедший. Он...

Дверь внезапно открывается, и я резко поворачиваю голову и вижу Нейта, держащего в одной руке открытую пачку чипсов, а в другой – комплект постельного белья.

Гай выхватывает пистолет из моих рук так быстро и так ловко, что я даже не успеваю сделать вдох, широко выпучив глаза. Он возвращает пистолет на своё место, а потом касается моего подбородка пальцем, говоря:

– Оружие детям не игрушка. Впредь, будь добра, не бери его без моего разрешения.

Нейт присвистывает, жуя чипсы во рту. Его совершенно не смущает увиденное. Он лишь бросает комплект на диван, а сам начинает:

– Чувак, мы как раз по дороге в магаз с Зайдом спорили, насколько её хватит до того, как она попытается тебя грохнуть. – А потом с гулким смехом добавляет: – Я выиграл, получается! Теперь он должен мне пять баксов.

Не думаю, что пять баксов это такие большие деньги для людей, зарабатывающих гораздо больше на своей незаконной работе в мафии. Но он с таким энтузиазмом это сказал, что я невольно удивляюсь.

Вокруг меня одни ненормальные, и все ненормальны по-своему.

– Я постелю тебе на диване, а ты поспишь, – произносит Гай как ни в чём не бывало, распаковывая новое постельное

бельё.

Я смотрю на него как на полного кретина, потому что никогда прежде ещё не встречала настолько странных людей как он.

– Всё слышала? – спрашивает он. – Ты должна поспать.

– Я пыталась тебя пристрелить только что, – напоминаю я, словно он этого не помнит. – А ты мне сейчас хочешь... постель постелить и уложить меня спать?

– Все мы от любви становимся дебилами, – отвечает за него Нейт, хрустя чипсами, которые он достаёт из пачки одними пальцами, сидя на полу у двери, и бросает себе в рот. – А Гай ещё и не просто дебил, он ультра-дебил, потому что по-другому такого рискованного чела назвать нельзя... Вот я, например, ради Моники тоже готов на многие тупые поступки, но у меня мозг отключается не до такой степени.

А я во имя любви как дура сбегала из дома по ночам, чтобы встретиться с ним. Послушайся я тогда родителей, может быть, мне не было бы так больно, как сейчас.

Этого я, к сожалению, не узнаю уже никогда.

* * *

Я пытаюсь закрыть глаза и считать в голове каждое пятнышко, которое вижу перед собой. Или перебираю в уме числа. Пробую множество других способов, но уснуть не выходит. Я переворачиваюсь с одного бока на другой почти

каждую минуту, а сон так и не приходит ко мне, словно нарочно издеваясь.

– Не можешь заснуть? – спрашивает Гай, сидящий у стены.

Я молча качаю головой в знак отрицания.

– Может быть, ты просто проголодалась?

– Нет. – Потом я зло добавляю: – Скорее, всё из-за того, что *ты* тут сидишь.

Он усмехается:

– Прекрати играть роль стервы. Ты ведь совсем не такая. Ты мягкая.

– И моя мягкость едва не погубила меня. Мне нужно было тебя нахрен послать ещё в первый день. Но ты умудрился влюбить меня в себя уже спустя несколько дней.

– И тебя это так злит?

Я привстаю с дивана, опираясь на локти, и вздыхаю. Сейчас ощущается горечь и неприятная тоска, потому что я вспоминаю родителей.

– Мама с папой говорили, что любовь это нечто прекрасное. Что от неё хочется петь и танцевать. По крайней мере, такими я их помню.

У Гая меняется взгляд. Наверное, любое упоминание моего отца для него болезненно. Он хмурит брови, словно злится.

– Сделав то, что твой отец сделал с моей матерью, он перестал быть человеком, – цедит он. – Такие люди не способны

любить, Каталина. Вероятно, он просто врал тебе всю жизнь.

– Почему вы вообще так уверены в том, что это сделал именно он?! – не выдерживаю я. Почти вскакиваю с дивана, бросив одеяло в сторону. Снаружи грохочет музыка, и она единственная портит мыслительные процессы в моей голове.

– Он прислал нам письмо, где обо всём рассказал и указал местонахождение тела. – Гай опускает лицо, вероятно, для того, чтобы я не видела, насколько гнев сейчас поглощает его. Или печаль. – С насмешками и издёвкой. Смеялся нам в лицо через свой текст.

Я не знаю, что ему ответить. Тщетно пытаюсь найти оправдания папе и убедить саму себя в том, что это всё была ужасная ошибка... Но, видно, я и в самом деле не знала правду.

– Но папа... – начинаю я, запинаясь. – Я же знаю его. Он не стал бы никогда...

– Джереми Норвуд был одним из обладателей серебряной карты, лучшим другом моего отца, самым верным соратником, с которым он всегда советовался. – Последнее он добавляет с нажимом: – Ты не знала его. Совсем.

Я опускаю взгляд. Не могу позволить себе снова плакать. Слез пролито достаточно. Остаётся лишь смириться с уготовленной мне участью.

– Скажи, ты всё ещё хочешь сбежать от меня? – спрашивает Гай.

Подняв глаза, я отвечаю чистую правду:

– Да.

Он качает головой:

– Это неправильный ответ. Тебе легче привыкнуть ко мне, нежели сторониться.

– А если я не хочу привыкать к тебе? Что, если я хочу забыть о твоём существовании?

– Не хочешь. Всё это обман, за которым ты пытаешься скрыть свои истинные чувства, Каталина. Я знаю. Потому что сам поступаю так уже много лет.

Гай кажется таким грустным сейчас, что я снова вижу в нём совершенно другого человека. Парня, который никогда не причинит никому вреда. Парня, который не знает, что значит чужая кровь на руках.

– Что тебе будет за убийство того... серебряного? – спрашиваю я тихо.

– Если бы мы жили во времена Дикого Запада, за живого или мёртвого Юстаса Крейга мне вручили бы не меньше тысячи долларов, – с усмешкой отвечает он. – Он был очень ценной фигурой в царстве моего отца. Полагаю, меня выпорят.

Слова вылетают из моих губ быстрее, чем я делаю вдох:

– Покажи мне свою спину.

На мою неожиданную просьбу он удивлённо приподнимает брови, потом хмурится, спрашивая:

– Зачем?

– Нейт сказал, что я пойму отношение твоего отца к тебе,

если увижу твою спину. Покажи мне её. Я хочу всё понять.

Гай отрицательно качает головой, отказываясь. Я даже вижу, как его пальцы сжимают край рубашки, словно кто-то способен подойти сзади и снять её с него, выставя напоказ спину.

Я встаю с дивана и медленно подхожу к нему. Я босиком, но теперь мне уже плевать на приличия и гигиену. В душе творится грязь куда страшнее, чем то, что ждёт снаружи.

– Покажи, – снова требую я. – Покажи мне её.

– Нет, Каталина. Закроем эту тему.

Я кладу ладонь на его руку. Могу поклясться богом, что он вздрагивает от моего прикосновения.

– Я не уйду, пока ты не покажешь. – Голос у меня выходит уверенный. – Я серьёзно.

Гай поднимает на меня свой взор. Глаза горят каким-то едва заметным страхом, а губы сжимаются в тонкую линию.

– Ты уверена в том, что хочешь заглянуть в мою душу? – спрашивает он. – Ты только что изъявляла желанием меня никогда не знать.

– Раз неизбежное уже случилось, поздно поворачивать назад, – говорю ему я.

И тогда Гай словно решается. Его пальцы тянутся к пуговицам. Я задерживаю дыхание, когда он расстёгивает их по одному, обнажая грудь. А потом рубашка и вовсе исчезает, и я в полной мере вижу всё: его подтянутое тело, каждый мускул, татуировки. На его правой руке, на плече, взлетает

птица Феникс, посреди груди виднеется одинокий сломанный якорь. Чёрная змея ползёт от его под мышки к бедру, образуя волнистую чёрную линию на боку. На подвздошной кости, там, где сидят чёрные боксёры и штаны, я вижу вороны распахнутые крылья, а снизу маленькая, но легко читаемая надпись: *бездна взывает к бездне*.

Но не дав мне возможности ещё детальнее всё рассмотреть, Гай отворачивается.

У меня сердце падает вниз от увиденного.

По всей его спине расползаются небольшие округлые шрамы с неровными, словно рваными краями, которые будто обработали паяльником. Их так много, что я невольно задумываюсь: при каких вообще обстоятельствах можно было их получить?

– Что это? – хрипло спрашиваю я.

– Доказательства моей слабости, – отвечает мне холодный голос Гая. – Я рос в мире убийств, жил с убийцей, и было ожидаемо, что вскоре подобное потребуется и с моей стороны. Отец бросал к моим ногам предателей, должников, нежеланных... Всех, кого он считал лишним. А потом приказывал пытать. Пытать до тех пор, пока они не умрут от боли. – Его голос, до этого спокойный, теперь переходит в слабый, едва слышный: – Впервые это произошло на моё двенадцатилетие. Он приказал мне казнить одного взявшего, но не вернувшего нам денег человека на глазах у его семьи. От меня требовалось отсечь ему голову. Я не смог этого сделать.

И тогда отец велел мне снять рубашку и подставить голую спину. Он много курил, поэтому в руках у него уже была сигарета.

Ему не нужно продолжать, чтобы я поняла, что произошло далее. Сердце сжимается до боли, у меня начинают дрожать руки и потеть ладони. Но тем не менее, Гай продолжает: – Он потушил о мою спину сигарету. Держал её до тех пор, пока она не потухла окончательно. Мне запрещено было издавать хоть звук. Я вонзил зубы в губы до крови, потому что боялся, что вырвется крик. Когда я встал, он сказал, что впредь моя спина будет напоминанием о моей слабости. О слабости, которая не дозволена тем, кто был рождён с кровью Харкнессов. С тех пор, он называет мою спину доской наказаний.

У меня пересыхает во рту. Перед глазами живо появляется двенадцатилетний Гай, совсем ещё ребёнок, с задранной кофтой, подставивший спину родному отцу, который безжалостно тушит о него сигареты.

Тот случай был не единственный. Шрамов у него очень много.

– Мне так жаль, – тихо шепчу я, борясь с желанием разрыдаться. – Правда, жаль...

Он поворачивается обратно.

Мне становится дурно от того, что я буквально заставила его пережить та ужасные события вновь. От нахлынувшей волны сожаления я опускаю голову, понимая, что никогда не

знала подлинную историю Кровавого принца, которого таковым сделал его отец. Ведь если с детства учить ребёнка убивать, кто вырастит в итоге?

— Никто не заслуживает подобного отношения к себе, — продолжая я, пока голос дрожит, выдавая всю мою ничтожность. — Никто. И ты тоже. Я...

— Может быть, однажды я верну тебе твою жизнь, — говорит он. — Может быть, однажды тебе не придётся знать, кто я такой. Возможно, ты забудешь всё, что у тебя было по моей вине, Каталина, но я хочу, чтобы ты знала: ты дала мне веру в то, что мир необязательно такой прогнивший и мрачный, каким он был для меня всё моё детство и являлся таким и по сей день. Ты дала мне веру в людей. — Гай касается моей руки, тянет к себе мою ладонь, перебирает пальцы. — Дала веру в лучшее. Вот, почему я не смог выполнить свой долг. Потому что впервые в жизни я понял истину. Потому что понял, что ты тот человек, ради которого я без сомнений могу отдать жизнь. Человек, которого я полюбил, хотя думал, что не мог.

Он сплетает наши пальцы, и его касание вызывает дрожь по всему моему телу. Вместе со взглядом. А взгляд у него головокружительный. Такой, что невозможно отвернуться, невозможно отвести глаза. Хочется в нём затеряться.

На Гае всё ещё нет рубашки, и от этого факта дыхание у меня сбивается, собственные лёгкие предают меня, заставляя грудь заметно опускаться и подниматься.

– Пожалуйста, дай мне шанс, – шепчет он. – *Не отнимай у меня хотя бы этого.*

И я взрываюсь от желания пасть на колени перед ним и извиняться. Извиняться так долго, что у него закружится от моего голоса голова.

Я никогда не знала, каким было его детство, никогда не знала, что ему пришлось вытерпеть, но теперь, когда я всё это знаю, мне не легче. Теперь приходит осознание, почему он всегда так собран, спокоен и серьёзен. Потому что под запретом были любые чувства.

Гай Харкнесс пал жертвой своего отца, а теперь он – мученик. Ведь как было сказано в выколотовой на его теле татуировке?

Бездна взывает к бездне.

Глава 50

Заснуть мне всё же удалось. Правда, оказалось, что ненадолго, потому что просыпаюсь я той же ночью. Но зато не было никаких кошмаров, которые, как я думала, меня обязательно посетят после последних случившихся событий.

Едва открыв глаза, я сглатываю, когда передо мной вновь возникают картины, вырисовавшиеся моим разумом после вчерашнего рассказа Гая.

Шрамы, боль, унижения, печаль в глазах...

Я всё ещё не могу поверить в то, что человек может сотворить нечто подобное с собственным сыном. Бесчеловечная жестокость.

Сейчас в комнатке Гая нет. Я встаю и осматриваюсь по сторонам. Новая постель подо мной всё ещё приятно пахнет, и я невольно улыбаюсь, вспоминая, что её купили вчера специально для меня. Насколько же продлится моё заточение в этом клубе?

Встав с дивана, я иду к двери, осторожно приоткрываю её, попутно удивляясь тому факту, что она не заперта. Может, я перестала быть пленницей после вчерашних откровений? Неужели теперь я могу ходить там, где мне вздумается?

Коридор полон музыки и сверкающих бликов. Ищу глазами Нейта и Зайда, но и их нет поблизости. Мне сказали, что

этот клуб безопасен, что Могильные карты никогда сюда не сунутся. Наверное, поэтому я так опрометчиво закрываю за собой дверь и выхожу наружу. Проходя дальше по коридору, я оказываюсь в просторном зале, набитом танцующими девушками и сидящими перед ними мужчинами, пускающих на них слюни. Отвратительное зрелище. На меня льются разноцветные огни и вспышки со «звёздного» потолка, музыка оглушает, заставляя голову трещать по швам. Я прохожу мимо зеркальных стен и вижу своё всё ещё непривычное мне обличие – мои чёрные короткие волосы с чёлкой и короткое платье на лямках. В таком виде я действительно выгляжу другой, возможно, даже папа с мамой не узнали бы меня.

Наконец я сажусь на стул около длинной барной стойки, и ко мне тут же поворачивается улыбчивый молодой бармен в блестящей кофте и с тоннелями в ушах.

– Чего желаете выпить? – спрашивает он, потирая стакан тряпчочкой.

Я думаю недолго и интересуюсь:

– Сколько стоит вода?

– Просто вода? Нисколько.

Без дальнейших слов он достаёт чистый стакан с верхней полки и наливает мне воду. Я опустошаю его, наслаждаясь каждым глотком свежести.

– Ухты. Видно, жажда совсем замучила? – усмехается бармен.

– Не до воды было, к сожалению, – отвечаю я, не слишком

уж желая болтать тут с ним.

И, видно, он это понимает, потому что просто кивает и отворачивается, чтобы продолжить заниматься своими рабочими делами. Я вздыхаю от облегчения, едва борясь с желанием повалить голову на барную стойку и заснуть прямо здесь.

– Виски налей! – вдруг раздаётся голос около меня.

Я не поворачиваю головы, всё выискивая знакомые лица парней в толпе: Гая, Нейта или Зайда. Интересно, куда это они подевались?

– Привет.

Едва подавляю желание закатить от раздражения глаза, когда слышу у уха всё тот же мужской голос. Повернувшись, я обнаруживаю сидящего рядом темнокожего парня с дредами, собранными в хвост, в чёрной футболке, поверх которой накинута разноцветная рубашка.

– Знаешь, я не хочу ни с кем болтать, – говорю я нарочито серьёзно.

– Я всего лишь хотел тебя угостить, – белозубой улыбкой улыбается незнакомец. – Ты тут сидишь совсем одна, да ещё и такая грустная.

У меня с собой нет денег, но попить чего-нибудь иного, кроме как воды, хочется. Почему бы не воспользоваться шансом?

Я поворачиваюсь к парню всем телом.

– Ладно. Но я не пью алкоголь.

– Это не проблема, – усмехается он. Затем щёлкает пальцем, призывая бармена и подмигивая ему. – Налей девушке колу.

В пустой стакан мне наливают холодную колу, брызгающую пузырьками газа. От такого вида я сглатываю. Видно, по-настоящему мучаюсь от жажды и готова сейчас осушить целое озеро.

Наверное, мне не стоило выходить из комнаты и сидеть здесь, в окружении всяких извращенцев, преступников и стриптизёрш... Короче говоря, в обществе людей, от которых меня всю жизнь отгораживали родители. Забавно получается.

– Как тебя зовут? – спрашивает парень.

– Каталина.

– Я Джеро. Будем знакомы.

Я гляжу на его протянутую руку и понимаю, что не хочу её жать. Наверное, случилось последнее событие с мужиком, пытавшимся отнести меня к Вистану. Вполне вероятно, что этот парень тоже может как-то входить в число тех, кто работает на Могильные карты и сейчас как раз трудится над тем, чтобы усыпить мою бдительность.

Но как бы там не было, вопреки убеждениям, я отвечаю ему рукопожатием.

– А что ты здесь делаешь? – отпивая виски, спрашивает Джеро. – Я к тому, что девчонки в стрип-клубы обычно не ходят.

– Друзья привели, – отвечаю я, сама удивляясь тому, что назвала парней своими друзьями. Надо же, совсем недавно они были мне врагами. – На самом деле нас сюда привели некоторые обстоятельства, но называть их я тебе не могу.

– Такая прямо таинственная личность? – улыбается он.

– Ты даже не представляешь, насколько.

Бармен как бы невзначай отходит, оставляя нас с Джеро одних. Если, конечно, окружающих нас мужиков и стриптизёрш не считать за людей.

– А у тебя парень-то есть? – ухмыляется он, подсаживаясь ближе.

Джеро кладёт руку мне на плечо, и от этого жеста я едва не дёргаюсь в сторону, чтобы убрать её. Но остаюсь в прежнем положении. Посмотрим, куда это заведёт.

– Нет, – говорю я и даже немного в это верю. Наши с Гаем отношения достаточно сложны, чтобы не понимать, пара ли мы или нет. Мы *были* парой до того, как он меня бросил, но после... Даже не знаю.

– Правда? – Чёрные брови темнокожего парня поднимаются вверх в удивлении. Он чешет дреды второй рукой и облизывает губы. – А хочешь, чтобы был?

– Предлагаешь себя на эту кандидатуру?

– Возможно.

И тут его рука медленно, как бы осторожно сползает мне на талию. Но не дав мне опомниться, Джеро продолжает:

– Пей колу. Она будет невкусной без газа.

Я беру свой стакан и вот уже подношу к губам, как вдруг...

– Убрал свои поганые руки!

Гай появляется неожиданно, резко, очень спонтанно, будто призрак, который возник в воздухе. Он тут же ударяет по руке Джеро, заставив того опустить её к себе на колени.

– Кто ты такой? – злится Гай, уставившись на моего собеседника.

Я раскрываю рот от удивления, когда подошедший ко мне сзади Зайд вдруг выхватывает с моих рук стакан с колой.

– Эй, парни, что это вы тут...

Не успевает Джеро договорить, как Гай пинает ногой его стул от меня в сторону, из-за чего он едва не падает назад. Бармен у стойки появляется в мгновение ока, поднимая руки и произнося:

– Если хотите драться, идите на улицу, парни. Нечего здесь размахивать кулаками.

– Мы драться не будем, чувачок, не парься, – говорит непонятно откуда взявшийся Нейт, встав рядом со мной. – Тут просто к нашей сестрёнке, как оказалось, пристают. Не могли же оставаться в стороне.

– Какая я вам сестр...

Не дав мне договорить, Нейт затыкает мне рот ладонью и улыбается как полный дурак. Гай подходит ко мне с другой стороны. Он косится на стакан в руке Зайда и берёт его в свою ладонь.

– Ты успела это выпить? – спрашивает он, наклонившись ко мне и подняв напиток на уровне моих глаз.

Я в полном недоумении:

– Нет... А в чём дело?

И тогда он наклоняет стакан так, чтобы жидкость внутри частично освободила дно. И тут я вижу маленькую не до конца растворившуюся таблетку. О, понятно... Поднимаю взгляд на Гая: у него от гнева горят глаза.

– Он хотел, чтобы ты отключилась, – говорит он, стиснув зубы.

– А потом собирался отыметь, – добавляет Зайд, схватив Джеро за плечи сзади. – Верно же, ху_сос?

У Джеро лоб покрывается потом, взгляд бежит по лицам, которые он видит перед собой. Мне даже показалось, что у него затряслись колени.

– Парни, извините, я... – запинаясь, начинает он. – Я не знал, что она... Блин, просто хотел немного развлечься. Поймите меня как парни парня.

– Эй, заткни свой грязный рот, чудик, – возмущённо бросает Нейт. – Ты чё, принимаешь нас за насильников подобных тебе? Я нахожу это крайне оскорбительным.

Я вижу, как Гай тянется рукой к своим штанам. Может, хочет достать пистолет или нож, но... Я же прекрасно знаю, какими проблемами ему могут обернуться подобные действия, учитывая то, что сейчас мы находимся на территории чужой мафии, поэтому спешу схватить его за руку.

– Гай, не надо, – шепчу я. – Пожалуйста.

Он бросает на меня взгляд.

– Достаточно, – с нажимом произношу я, пока его глаза изучают мои. Ладонь всё ещё держит его за запястье.

Гай поворачивает голову к Джеро и наконец отходит от него, при этом угрожающе, жутко и грубо произнося:

– Не убью тебя сегодня, только потому что она попросила. Так что извинись и благодари её за спасение своей жалкой жизни.

У Джеро хмурятся брови, словно он пытается понять, серьёзно ли с ним говорят или ему лучше поспешить свалить отсюда. Однако почти сразу этот вопрос становится ясным, когда Гай хватает его за шкирку, заставляет встать со стула и бросает у моих ног.

– У тебя проблемы со слухом? Я же понятно сказал: извинись и благодари её.

Джеро падает на колени.

– Извини... Каталина. Извини за то, что пытался тебя... напоить.

– Как-то неискренне, – зевает Зайд. – А ты как думаешь?

– Согласен полностью, – поддакивает улыбающийся Нейт. – Простить после такого скудного извинения невозможно.

А я... У меня такие странные ощущения внутри от происходящего. Когда я смотрю на Гая, полного силы и уверенности, стоящего над Джеро в позе какого-то повелителя, я чув-

ствую себя королевой. Глядя на Нейта и Зайда по обе стороны от моего стула, я ощущаю себя царицей. Словно меня окружают мои верные воины, готовые разорвать любого в клочья ради меня.

– Прости. Я поступал как полный урод, когда решил, что могу овладеть тобой, – продолжает Джеро. В глазах у него будто накапливаются слёзы. Боже мой, какой жалкий трус. – И... спасибо за то, что спасла жизнь.

Мне надоело на это смотреть. Я просто безразлично киваю, отворачиваясь.

Тогда Гай поднимает его с пола и толкает в сторону, угрожая, чтобы тот как можно скорее исчез с нашего поля зрения, если хочет остаться в живых. Джеро так и делает, едва не спотыкаясь о свои же ноги.

– А ты? – Гай опирается руками на барную стойку и слегка наклоняется вперёд к бармену. Затем хватает стакан с моей колой и неожиданно разбивает её о стол, при этом сжимая пальцы. – Твоих рук дело? Таблетка же твоя, верно?

Бармен сглатывает, а я всё удивляюсь тому, как же все боятся Кровавого принца. До дрожи, до желания сбежать куда подальше, до полного оцепенения. Я думаю, всё из-за того, что бармен считает Гая, возможно, одним из друзей своего босса. Ведь как известно, это место посещают богачи и коллеги, если так можно сказать, владеющего этим клубом мафии.

– Извините, сэр, – мямлит бармен. – Мы не знали, что...

Она сказала, что у неё нет парня, вот мы и подумали...

– Что можете взять её силой? – Голос Гая сейчас такой злобный, что мне кажется, он волне может навредить им кому-нибудь физически. – Надеюсь, сокамерники в тюрьме будут того же мнения, когда будут пускать тебя по кругу и драть во все дыры.

Разбитый стакан летит через барную стойку на пол, и, отвернувшись, Гай хватает меня за локоть и уводит оттуда по-дальше. Я принимаюсь нервно кусать себе губы, потому что знаю, что сейчас меня снова отчитают как маленькую девочку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.